

ГБУК СО «СОМБ»

Литературные жемчужины народов Урала

Год единства народов России

2026

Министерство культуры Свердловской области
Свердловская областная межнациональная библиотека имени П.П. Бажова

Литературные жемчужины народов Урала
Год единства народов России

Екатеринбург – 2026

ББК 83.3

Л 64

Л 64

Литературные жемчужины народов Урала : Год единства народов России / Министерство культуры Свердловской области, Свердловская областная межнациональная библиотека имени П.П. Бажова ; составитель О. И. Калинина. – Екатеринбург : СОМБ, 2026. – 129 с. : ил. – Текст: электронный.

ББК 83.3

Содержание

Традиции вне времени.....	4
Как традиционные ценности передаются	6
Литературные жемчужины народов России	13
Список источников.....	128

Традиции вне времени

4

Понятие «традиция» восходит к лат. *trāditiō*, к глаголу *trādō*, означающему «передавать». Это исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды. Благодаря традициям люди чувствуют, что принадлежат к одной культуре и лучше понимают друг друга.

Мир постоянно меняется. В последние десятилетия это происходит с умопомрачительной скоростью. Важно сохранить что-то стабильное, предсказуемое. Таким якорем является связь с предками, с традициями, с национальной идентичностью.

В 2025 году аналитический центр ВЦИОМ в партнерстве с Ежегодной премией индустрии товаров и услуг для детей и их родителей – МОЯ МАРКА № 1 представил результаты опроса о ценностях россиян.

Данные опросов за последние три года демонстрируют в целом высокую **степень согласия россиян с данной ценностно-нормативной рамкой, но также указывают и на иерархию значимости этих ценностей в массовом сознании.**

Абсолютным приоритетом остается **крепкая семья, она стабильно занимает первое место, что подтверждает ее статус ключевой традиционной ценности.** Семья как источник внутренней опоры в том числе компенсирует внешнюю нестабильность последних лет.

Параллельно с этим фиксируется высокий уровень значимости ценностей, связанных с **коллективной идентичностью и сплочением: историческая память, гордость за страну, единство народов России, что прямо соответствует положениям Указа.**

Национальная консолидация в системе ценностных координат россиян опережает межличностные и личностные ценности, такие как дружба, милосердие, самореализация, развитие.

Перечисленные в Указе традиционные ценности по-разному «откликаются» у представителей разных поколений. Молодежь в силу особенностей возраста чаще делает акцент на самореализацию, дружбу (но без потери семьи как ядра), с возрастом акцент смещается в сторону государственно-идентичных ориентиров.

Топ-3 ценностей в каждом поколении:

- поколение цифры: семья, дружба, самореализация;
- младшие миллениалы: семья, жизнь, достоинство и права человека, самореализация;
- старшие миллениалы: семья, жизнь, достоинство и права человека, единство народов России;
- реформенное поколение и поколение застоя: семья, историческая память, гордость за страну;
- поколение оттепели: семья, историческая память, единство народов России.

Идея незыблемости традиционных духовных принципов остается важной для большинства россиян: две трети опрошенных стабильно выражают согласие с тем, что нужно следовать этим принципам даже в случае противоречия с реальностью. Это убеждение особенно сильно в поколениях среднего и старшего возраста. Однако среди молодежи (поколения цифры и младших миллениалов) доля несогласных превышает долю согласных или приближается к ней, демонстрируя ценностный разрыв: молодые чаще ставят под сомнение безусловный приоритет традиции.

Поэтому приобщения молодежи к культурным традициям в аспекте сохранения подлинного понятия о культуре нашего народа достаточно актуален.

Приобщение молодежи традициям формирует у молодых людей надежный внутренний ориентир, чувство патриотизма. Это помогает им увереннее справляться с вызовами современного мира, оставаясь духовно связанными с историей, семьей и обществом.

Культура в России служит фундаментом патриотизма, объединяя историческую память, духовные ценности и традиции народа. В своих выступлениях Президент РФ В.В. Путин постоянно подчеркивает, что строить будущее общество необходимо на основе патриотизма.

«Это уважение к своей истории и традициям, духовным ценностям наших народов, нашей тысячелетней культуре и уникальному опыту сосуществования сотен народов и языков на территории России. Это ответственность за свою страну и ее будущее».

Как традиционные ценности передаются

6

В 2026 году в России проходит Год единства народов России, и его главная задача – укрепить общероссийскую идентичность через формирование и трансляцию традиционных ценностей. Эти ценности определены указом президента и включают жизнь, достоинство, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь, историческую память и единство народов России.

Трансляция происходит через:

- Обычаи и традиции – обряды, праздники, этикет.
- Фольклор и искусство – сказки, песни, пословицы, которые содержат нравственные уроки.
- Образование – просветительские программы, направленные на изучение истории и культуры.
- Интернет – контент, формирующий ценностные ориентиры.

Об этом мы писали в предыдущих дайджестах. Мы рассказали вам, уважаемые читатели, о том, как наша межнациональная библиотека транслирует важнейшие ценности. Наши партнеры нам в этом помогают. Но также наша библиотека сотрудничает с различными конфессиями Среднего Урала. Поэтому в данном сборнике особый акцент мы делаем на роли религий в формировании традиционных ценностей. Толчком к написанию этой главы стал просмотр интервью с Евгением Александровичем Ямбургом – известным российским педагогом и общественным деятелем.

В интервью он вспоминал богослова, приходского священника, писателя, биолога, художника-анималиста и педагога Александра Меня:

... Отец Александр не терпел фанатизма. Он любил цитировать блаженного Августина Аврелия: «В общем – единство, в спорном – свобода, во всем – любовь». Бог есть любовь. «Люби Бога и делай что хочешь»...

... И в проповедях, и в лекциях, и в книгах он неустанно проповедовал подлинные, вечные общечеловеческие ценности. Отец Александр Мень сравнивал текст (книгу, статью) со стрелой, выпущенной из лука. Автора, который создал текст, зачастую уже нет на этом свете – а стрела летит и достигает цели...

И особый акцент педагог сделал на том, что любая религия в нашей стране базируется на добре и милосердии.

В Коране сказано: **«Пусть все религии соревнуются в добрых делах»** (слова пророка Мухаммеда из пятой суры Корана).

В исламе большое значение придаётся крепкой семье, уважению к старшим, заботе о детях и воспитанию в духе благочестия. Труд рассматривается как форма поклонения, а честность в деловых отношениях – как нравственный долг.

Талгат Сафич Таджуддин – советский и российский религиозный и общественный деятель, Верховный муфтий России и председатель Центрального духовного управления мусульман России считает:

Россия сейчас является подлинным „божьем халифатом“, в котором сохраняются традиционные ценности, а представители разных национальностей и религий живут в мире.

Муфтий часто называет семью «самым святым», заявляя, что без крепких семейных уз невозможно существование сильного государства. В основе брака, по его словам, должны лежать любовь, терпение, милосердие и взаимопонимание.

Ислам достойно занимает своё историческое место в религиозном многообразии России и является религией мира, добра и уважительного отношения к людям другой веры и национальности, укрепляет солидарность верующих людей, утверждает человеколюбие, справедливость и сострадание к людям, способствует солидарности всего общества.

Глубокое духовное послание **Главы Русской Православной Церкви, Святейшего Патриарха Кирилла**, стало импульсом в достижении духовного суверенитета России, открывающего возможности для полномасштабной работы, направленной на созидание духовного мира человека.

25 октября 2022 года, Святейший Патриарх Кирилл в своем Архипастырском обращении к участникам Всемирного Русского Народного Собора призвал к объединению усилий российского общества вокруг вопроса сохранения и защиты традиционных духовно-нравственных ценностей.

Уважаемые участники собора, сегодня вопросы этического выбора, приобрели в мире особое звучание, они определяют, как вектор движения конкретного человека, так и судьбы целых стран и народов. И от того, насколько твердо мы будем стоять в истине, насколько будем верны заветам своих отцов, преданы тем непреходящим духовно-нравственным ценностям, которые мы получили, в том числе, и через церковную традицию – от этого будет во многом зависеть будущее нашей страны и народа, а в глобальном плане и будущее человеческой цивилизации.

В христианстве акцент делается на любви к ближнему, милосердии, смирении и аскетизме. Заповеди вроде «не убий», «не укради» становятся основой моральных оценок поступков.

Предлагаем вашему вниманию интересный рассказ о милосердии «Старец Паисий святогорец о рае и аде»:

– Расскажу тебе одну историю, которую я когда-то слышал. Как-то раз один простой человек попросил Бога показать ему рай и ад. И вот однажды ночью во сне этот человек услышал голос:

«Пойдём, я покажу тебе ад». Тогда он оказался в комнате. Посередине её стоял стол, за ним сидело много людей. На столе была кастрюля, полная еды. Но люди были голодны: они черпали длинными ложками из кастрюли, но не могли поднести ложки ко рту. Поэтому одни из них ворчали, другие кричали, третьи плакали. ...Потом он услышал тот же голос: „Пойдём, теперь я покажу тебе рай“. Тогда он оказался в другой комнате, где стоял такой же стол с кастрюлей, и также вокруг него сидели люди с длинными ложками. Однако все были сыты и веселы, потому что каждый из них...»

Вопрос: Как удалось людям из второй комнаты поесть и насытиться?

Ответ: Каждый из них, черпая из кастрюли еду, кормил своей ложкой другого. Теперь ты понимаешь, как можешь ещё в этой жизни ощутить рай? ...

Творящий добро радуется, потому что утешается Божественным утешением.

Отношения еврейской и русской культур исторически глубоки и многогранны. Иудаизм рассматривает традиционные ценности как основу жизни, опираясь на веру в единого Бога и соблюдение Божественных заповедей (мицвот). Иудаизм через заповеди и традиции укрепляет ценности семьи, справедливости и ответственности человека перед Богом и обществом. Центральное место занимают такие ценности, как справедливость, милосердие, честность, уважение к ближнему и забота о слабых. Ключевые заповеди включают «не убивай», «не кради», «люби ближнего как самого себя». Иудаизм подчёркивает важность добрых дел и благотворительности (цдака), которая рассматривается не просто как милостыня, а как восстановление справедливости.

Тора видит историю человечества как путь к воцарению мира и мудрости по всей земле. Каждый человек обязан, покидая этот мир, оставить его в лучшем состоянии, чем он был до появления этого человека. Все мы своими действиями строим будущий мир. В иудаизме это называется «тикун», что означает «исправление» мира – необходимо сделать его еще лучше, чем он был до того.

9

Главный Раввин России Берл Лазар подчеркивает, что традиционные ценности (вера в Бога, мораль и крепкая семья) – это фундамент, который объединяет все народы России. Он регулярно говорит о важности передачи духовных ориентиров детям, честности и уважении к своим корням. Также он отметил, что в иудаизме спасение жизни является высшей ценностью, основываясь на известной фразе из Талмуда: **«Кто спасает одну жизнь, спасает целый мир».**

Город осажден, и противник заявляет: **«Выдайте нам одного из вас, и мы оставим город в покое».** Как правильно поступить?

Еврейские мудрецы говорили, что нам не разрешено выдать ни единого невинного жителя, чтобы спасти многих других. Но почему? Потому что Тора не позволяет нам прервать одну невинную жизнь даже ради блага многих.

В буддизме нет жёсткого списка «традиционных ценностей» в привычном смысле, как в некоторых других религиях. Это скорее система ориентиров, которая формируется вокруг ключевых идей учения – четырёх благородных истин и Благородном восьмеричном пути. Эти ценности не навязаны извне, а выводятся из учения о страдании, его причинах и пути к освобождению. В буддизме ключевыми ценностями становятся осознанность, ненасилие (ахимса) и стремление к внутреннему самосовершенствованию.

Далай-лама XIV (Тэнзин Гьяцо) – духовный лидер последователей тибетского буддизма, в том числе в буддийских регионах Российской Федерации (Калмыкия, Бурятия, Забайкалье и Тува) в своих цитатах действительно опирается на традиционные ценности буддизма, делая акцент на сострадании, осознанности, внутреннем покое и ответственности за свои поступки:

10

- *Любовь и сострадание – это предметы первой необходимости, а не роскошь. Без них человечество не сможет выжить.*
- *Практикуя осознанность, мы можем развить более глубокое понимание самих себя и окружающего мира, что, в конечном счёте приведёт к большей ясности и удовлетворённости.*
- *Наша главная цель в этой жизни – помогать другим. И если ты не можешь им помочь, по крайней мере, не причиняй им вреда.*
- *Будь готов изменить свои цели, но никогда не изменяй своим ценностям.*

Религии исторически выступали мощным фундаментом для формирования традиционных ценностей, задавая нравственные ориентиры, нормы поведения и мировоззренческие установки. Их влияние проявляется в разных аспектах: от семейных отношений и этики до культурной идентичности и социальной солидарности.

Основные положения религий мира записаны в священных текстах. У каждой крупной религии есть свои священные тексты – собрания, которые верующие считают откровением, источником учения и руководством к жизни.

Библия – Священное Писание христианства. Состоит из двух частей: Ветхого Завета (включает книги Танаха и дополнительные тексты в некоторых христианских традициях) и Нового Завета (повествования о жизни Иисуса Христа, послания апостолов). Христиане верят, что эти тексты богодухновенны – содержат непреложную истину.

Из Ветхого Завета:

«Почитай своих отца и мать. Не убивай. Не кради. Не прелюбодействуй. Не желай дома ближнего твоего, ни раба его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего».

«Раздели с голодным хлеб твой и скитающихся бедных введи в дом: когда увидишь нагого – одень его».

Коран – священная книга ислама. Согласно исламскому вероучению, это божественное Откровение, переданное пророку Мухаммеду через ангела Джибрила., поэтому в понимании мусульман Коран-это прямая речь Бога, обращенная к людям, которая должна быть особым образом «прочитана». Коран – в переводе с арабского означает «Чтение». Коран состоит из 114 сур (глав), которые делятся на аяты (стихи). Вместе с Сунной (изречениями пророка) он формирует основу исламского вероучения и права.

«Поистине, Аллах любит делающих добро, сдерживающих гнев, прощающих людям».

«Пусть не навлекает на вас ненависть к людям греха того, что вы нарушаете справедливость. Будьте справедливы».

Танах – Священное Писание иудаизма. Это акроним: Тора («Закон»), Невиим («Пророки»), Ктувим («Писания»). В Танахе собраны тексты, которые описывают сотворение мира, историю еврейского народа, Божественный завет и заповеди. По содержанию он во многом совпадает с Ветхим Заветом христианской Библии (хотя в разных конфессиях есть нюансы в составе книг).

«Почитай отца твоего и мать твою...» Обещание долголетия и благополучия за почтение к родителям.

«Не сотвори себе кумира: не поклоняйся никаким изображениям и творениям».

Трипитака (на пали – Типитака) – свод священных текстов буддизма. Название переводится как «три корзины»: изначально свитки из пальмовых листьев с текстами о Будде, его жизни, как и чему он учил людей хранили в трёх корзинах, что и дало имя канону. Три раздела: Виная-питака (правила для монашеской общины), Сутта-питака (проповеди и сутры, в том числе джатаки – рассказы о прошлых жизнях Будды) и Абхидхамма-питака (философские трактаты, систематизирующие учение).

«Добродетель приятна вплоть до старости; приятна стойкая вера, приятно достижение мудрости; приятно воздержание от зла».

Человек сам себя уважает, если он образован, имеет свои убеждения и верит в них, делает добрые дела и получает от них удовольствие.

12

Священные книги религий мира – это главные письменные источники, содержащие основы вероучения, нравственные заповеди, мифы и историю. Они служат руководством для духовной жизни, определяют культурные и правовые нормы целых цивилизаций.

И опять мы пришли к главному источнику знаний и нравственности – книге. Мы разделяем мнение о значении книги с автором «Кодекса патриота» писателем Ильей Игиным:

«Книга – не просто собрание страниц, а арсенал национального духа!

Каждая прочитанная строчка – это патрон, заряжающий разум для битвы за будущее. Наука – не праздное любопытство, а стратегическое оружие в войне цивилизаций. Тот, кто пренебрегает знанием, разоружает свою нацию перед лицом грядущих испытаний!».

И мы переходим к главному разделу нашего дайджеста **«Литературные жемчужины народов России»** – литературным визиткам, как бы их назвали молодые читатели, по мнению межнациональной библиотеки.

Литературные жемчужины народов России

13

Аварцы

Гамзат Цадаса. Первый автор аварских басен, стихов и сказок для детей. Его песни эпохи Великой Отечественной войны, а также сборник патриотических стихов «За Родину» обрели популярность в Дагестане. А еще он проявил себя как талантливый поэт и прозаик. Отец великого аварского поэта Расула Гамзатова.

Аварцы говорят: **«Поэт родился за сто лет до сотворения мира»**. Этим они, видимо, хотят сказать, что если бы поэт не участвовал в сотворении мира, то мир не мог бы быть таким прекрасным.

Цадаса вошел в жизнь и сознание своего народа как носитель его богатого духовно-нравственного опыта и лучших эстетических традиций.

Поступка недостойного следы

Не смыть слезами собственной беды,

Лишь только наши честные поступки

Даруют миру добрые плоды.

Двадцатилетний курс наук дал Гамзату совершенное знание арабского языка, с помощью которого ему открылись философия, история, юриспруденция, география. Труды восточных литературоведов познакомили его с крупнейшими именами и

явлениями европейской литературы: Вольтером, Гёте, Гюго. Годы обучения стали для Цадасы настоящей и бесценной школой познания жизни.

У него была очень большая библиотека, три книги из которой – по мусульманскому праву – он приобрёл за участок земли. Гамзат почти наизусть знал Священный Коран, в совершенстве владел арабским языком, его стихам на арабском специалисты дают высокую оценку.

Его сын, Расул Гамзатов вспоминал: «Мой отец... Из тех, кто его знал, каждый, наверно, по-своему представлял себе моего отца. Конечно, он и пахал землю, и косил траву, и грузил сено на арбу, и кормил коня, и ездил на нём верхом. Но я его вижу только с книгой в руке. Он держал книгу всегда так, точно это птица, готовая выпорхнуть из рук».

Писатель Николай Тихонов в свое время дал меткую оценку старейшему дагестанскому классику: ***«Это был самый острый ум современной Аварии».*** И время показало, что он оказался прав.

Он был добрым другом и заботливым наставником для многих литераторов Дагестана. Он верил в молодых. Многим его нравственный облик, пример его твёрдости в убеждениях служил путеводной звездой. В нём была полная мера благожелательности и ни капли самомнения.

*Не наноси товарищу вреда,
Не ставь ему подножку никогда,
Кто друга предаёт тщеславья ради,
Тот сокращает сам свои года.*

*Не радуйся, когда перевознесут
Всё то в тебе, чем ты не обладаешь,
И не сердись, когда ругать начнут
Всё то в тебе, что ты не замечаешь.*

*Прямое слово стоит многих фраз,
И действеннее многих заклинаний,
Короткий уважительной отказ
Честней пустопорожних обещаний.*

В поэзии Г. Цадасы романтика действительности нового времени и подвига соизмерялась с переделкой человеческого материала, с закалкой людей, с совершенствованием личности.

В этом состояли нравственные начала гамзатовской поэзии, и особенно ярко они проявились в творчестве военных лет. Как говорится, сухим держал Цадаса свой поэтический порох. А когда настал час, поэт приравнял перо к штыку. И сражался поэт не только стихом. Ездил по воинским частям, побывал на передовой, выступал на антифашистских митингах...

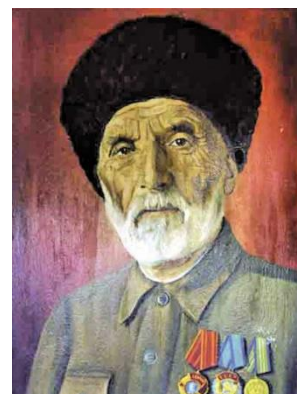
Поэт вел обширную переписку с фронтовиками. Он стал инициатором создания периодического печатного органа для общения фронта с тылом. «Дагестан – своим фронтовикам» – так называлась газета, ставшая в те незабываемые годы явлением неповторимым, уникальным.

Цадаса отправил на фронт двух старших сыновей – Магомеда и Ахильчи, и они пали смертью храбрых – один в Севастополе, другой – под Сталинградом. По воспоминаниям Расула Гамзатова, отец до последних своих дней вспоминал о них.

В 1941 году в газете «Красный воин» было опубликовано одно из самых известных стихотворений поэта о войне **«Жизнь и родина»**.

– Отец мой, в лихую годину войны,
Сражаясь за счастье родимой страны,
Ты жизнь за него положил бы в бою?
Честь воина ты сохранил бы свою?

– Мой сын, я – старик и в могилу гляжу.
За родину жизни я не пощажу.
Забота моя о своей ли судьбе?
Ты – молод. Все мысли мои о тебе.
– Отец мой, беречь я себя не могу:
Отчизны вовек не отдам я врагу.
Без родины – жизни цена какова?
Без чести – что стоит моя голова?

СТИХИ О ГАМЗАТЕ ЦАДАСА

Не на карточках в толстом семейном альбоме
Возникаешь пред взором и памятью ты,
Не ваятель искусный в скульптуре знакомой
Обессмертил твои дорогие черты.

И портреты точны, и скульптуры похожи,
Но не в них, неживых, я тебя узнаю,
В старике чабане, в каждом горце прохожем

Вижу взор твой и вижу улыбку твою.

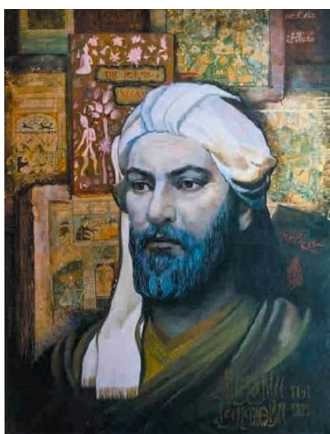
*В каждом горце, я знаю, есть нечто такое,
Что всегда мне напомнит отца моего.
Ты, отец, был народом, и он был тобою,
Ты причастен к бессмертью его.*

Расул Гамзатов

Азербайджанцы

Низами Гянджеви. Один из величайших художников мировой литературы. Его гениальные творения стоят на уровне лучших достижений художественного гения человечества. Низами Гянджеви прославился своей «Пятерницей» (Хамсе) – циклом из пяти поэм: «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и «Искандер-наме».

Центральной темой всего творчества Низами стал человек, его чувства, разум и достоинство. Он воспевал любовь, дружбу, справедливость.

«Эпоха Низами является одним из самых блестящих периодов развития азербайджанской культуры и художественной литературы. Она входит в историю под названием «золотого века».

Микаэль Гасан оглы Рафили , азербайджанский поэт и литературовед

Его творчество – это синтез блестящей поэтической техники, глубокой мысли и гуманистических идеалов. Низами мастерски соединил в своём творчестве устное народное творчество (фольклор, легенды) с письменными историческими хрониками.

Он использовал мотивы тюркского эпоса, что позволило ему создать уникальный художественный синтез доисламского и исламского Ирана. В «Семи красавицах» заметны и азербайджанские народные легенды.

Две есть матери: родная мать и мать-земля.

Кровная лелеет сына, с милым все делая;

Но отнимет силой сына мать-земля у ней.

Двух имел Бахрам богатых сердцем матерей,

*Но земля любвеобильней, видимо, была:
Так взяла его однажды, что не отдала*

*Никому, ни даже кровной матери самой!..
Разум матери от горя облачился тьмой.*

*Жар горячечный ей душу иссушил, спалил.
И тогда старухе голос некий возгласил:*

*«О неистовствующая, как тигрица, мать!
Что несуществующего на земле искать?»*

*Бог тебе на сохраненье клад когда-то дал;
А пришла пора – обратно этот клад он взял...*

Лирика Низами полностью не сохранилась. Низами считал, что сотворить этот прекрасный мир могла только Любовь: **«До поры, как любовь не явила дыхание свое, в бездне небытия не могло засиять бытие».**

Без тебя

17

*Мне ночь не в ночь, мне в ночь невмочь, когда тебя нету со мной.
Сон мчится прочь, сон мчится прочь, беда в мой вступает покой.
Клянусь, придет свиданья час: пройти бы не мог стороной.
Клянусь я мглою кос твоих: уйдешь – и охвачен я мглой.
Не мне ль нестись к тебе одной, стремиться могу ли к другой?
Тебе ль искать подобных мне, – не тешусь надеждой пустой.
Сравнись со мной – величием ты, взглядись – никну я пред тобой.
Сравнюсь с тобой – не прах ли я? Все клады в тебе лишь одной.
Нет глаз, чтоб видеть мне твой лик, мне радости нет под луной.
Нет ног – поспеть к тебе, нет рук, чтоб с жаркой сложить их мольбой.
Забыла ты о Низами, владея моею судьбой.
Днем гороскопы числю я, в ночь звезды слежу над собой.*

Основное богатство, которое полностью сохранилось до наших дней, составляет его «Хамсе» («Пятерица»), куда входят дидактико-философская поэма «Сокровищница тайн», романтические поэмы «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и историческая поэма «Искандер-наме» (книга об Александре Македонском), которую Низами считал итогом своей творческой работы.

*Покинь скорей темницу слова «я»,
Ты скажешь: «Мы», – и зацветет рассвет.
Прекрасен отдых на твоём пути,
Но и терзаний вкусишь горький цвет.*

У великого сына азербайджанского народа, гениального мыслителя, гуманиста Низами Гянджеви и сейчас миллионы читателей во всех уголках мира. Восточные народы питают к нему особую любовь.

Посвящение Низами. Андрей Дементьев

*Твоя душа всегда с людьми,
Великий брат наш – Низами...
Не оттого ли ты велик,
Что мудрость времени постиг,
Что слёзы бедных осушал,
От злобы сильных не бежал?
Не оттого ли ты велик,
Что был надеждой для людей.
И от твоих бессмертных книг
И мы сильнее, и мы добрей?
Поэт не может не страдать,
Когда страдал его народ.
Ни лесть, ни ложь, ни благодать
Лишь правда за сердце берёт.
Твоя душа в стихах болит...
И – давний слышится мотив. –
Ты жил средь горя и обид,
Судьбу стихами оплатив.
Не потому ли ты велик,
Что мудрость времени постиг...*

Армяне

Хачатур Абовян. Автор первого армянского светского романа «Раны Армени», посвященного трагической судьбе армянского народа и его освободительной борьбе в период русско-персидской войны.

Молодой Абовян воодушевленно восклицал: **«Жить и умереть для Отечества – вот задача, выбранная мною с самых юных лет!»**

Будучи еще отягченным как бременем деспотизма, так и невежества, не имея еще никакого понятия о европейском образовании, опоры, и даже никаких средств к достижению цели, одну я эту питал в душе мысль. Одним я этим возгорался желанием».

Тот жалок народ, чья рука слаба,

Жалка страна, что врагу – раба.

Народа, что землю свою и жизнь

Разбойникам предал, жалка судьба.

Так пламенно, страстно и с нескрываемой душевной болью писал наш великий предок Хачатур Абовян в стихотворении **«Человек, любящий свой народ, перед своей смертью»**, ставшем, наряду с другими, своеобразной программой жизни «неистового Хечана».

О почестях я не вздыхал с тоской,

Не жалел, что славы лишен мирской,

Но как перед смертью нам не вздыхать?

Ведь тысячи дум надо в землю взять!

Ни длительной жизни я не желал,

Ни богатств у мира я не просил.

Но каждый вздох мне смертью бывал.

Коль его я народу не приносил.

Лишь затем желал я власти, честей,

Лишь затем я жаждал сиянья венца,

Чтобы тысячам тысяч несчастных людей

Слезы с глаз стереть, облегчить сердца.

Так пламенно, страстно и с нескрываемой душевной болью писал наш великий предок Хачатур Абовян в стихотворении «Человек, любящий свой народ, перед своей смертью», ставшем, наряду с другими, своеобразной программой жизни «неистового Хечана».

Хачатур Абовян грезил мечтой всеобщей грамотности. Он хотел, чтобы обычные люди больше читали. С этой целью он написал свой первый роман – «Раны Армении», где описывает сопротивление армянского народа персидскому господству. Его книга стала основой светской литературы в Армении и первым произведением,

написанным на восточном диалекте – официальным в Армении и Арцахе, а также для армян в постсоветских странах и Иране.

Патриарх армянской поэзии Ованес Туманян высоко ценил роман и, в частности, писал: **«...это и вопль патриота, исполненный скорби и стенаний, и национальная эпопея, дышащая силой и гордостью, и панегирик благодетельствованного и спасенного, полный слез радости, благодарственных возгласов и благословений. И все, что исходит из его сердца, из его уст, из-под его пера, искренне, сердечно и правдиво...».**

Как не вспомнить о его святом завете – «навек с Россией». Роман Абовяна **«правдивое отражение исторического настроения армян, их давнего желания видеть свою страну в составе России».**

Другой мэтр армянской поэзии, Ав. Исаакян, заметил, что шедевр творчества Абовяна – роман «Раны Армении» в то же время **«наш сердечный договор с великим русским народом, ставший заветным в смертельных схватках за жизнь».**

Абовян, как и почти все деятели литературы и искусства того времени, не представлял будущего армянского народа и его культуры вне связи с мощной северной державой и великой русской культурой. И именно в этом его безусловная историческая заслуга. В армянской действительности он сам был первым ярким деятелем, испытавшим благотворное влияние русской духовности, и в то же время убежденным проводником литературы и культуры России, подчеркивал исключительную важность русского языка в приобщении раздвоенного армянского народа к высотам общечеловеческой культуры, относя его к одному из **«самых богатых и самых необходимых языков мира».**

Абовян придерживаясь мнения, что вообще цель изучения любого языка – **«подружиться с духом того народа, которого языку мы учимся»**, армянский просветитель особо выделяет русский язык, считая его одним из важнейших для армянского народа:

«И какой из восточных или западных языков может в этом отношении способствовать нашей нации более всех, как не русский, которого польза и качества заставили и образованных народов нашего времени заниматься им, тем более армян, которые видят всю необходимость изучения его».

Передовая русская культура, блестящее образование позволили Абовяну стать одним из самых эрудированных людей армянского общества того времени, что дало ему возможность развернуть активную просветительскую деятельность.

Мариэтта Шагинян, тонкий литературовед и одна из одареннейших и мудрейших армянских женщин-художников современности, писала:

«Хачатур Абовян занимает почетное место в ряду гениальных сынов человечества. Подобно всем великим основоположникам национальных литератур на заре XIX в., он создал для своего родного армянского народа литературный язык, дал на этом языке многожанровые образцы литературы, показал своей жизнью самоотверженный пример служения».

родине. Его бессмертный роман “Раны Армении” до сих пор нельзя читать без волнения. Он исполнен глубокого гуманизма, потрясает своею любовью к родному народу и на века завещал армянам беречь и хранить нерушимую дружбу с великим русским народом».

ХАЧАТУРУ АБОВЯНУ

*Ах, как ты праведен, безгрешен сердцем был,
Радетель нации, писатель, просветитель!
Ты соплеменников столь истово любил,
Армянских ран и болей исцелитель.*

*Аламдарян – твой старший брат и педагог,
Навек покой обрёл в монастыре Сурб Хача.
А где твоя могила – ведает лишь Бог,
И ты не слышишь айастанцев плача.*

*Ты на вершине горной встретил смерть свою –
Во цвете лет, на гребне горемычной славы...
Но с мракобесием по-прежнему в бою
Твои стихи, твоих романов главы.*

*Тебе внимают Канакер, Ани и Карс,
Не молкнет голос просветителя, поэта,
Вершина высока, но покорён Парнас,
Сквозь мрак и тучи плещет солнце светом.*

*Бессмертен, славен ты в деяньях, Абовян,
И сердцем пылким ты безгрешен, просветитель.
Язык и веру ты призвал беречь армян,
Твои заветы помним мы, Учитель!*

Кнарик Саркисовна Хартавакян

Башкиры

Мустай Карим – классик советской и российской литературы, поэт, писатель, драматург, публицист, выдающийся общественный деятель. Мустай Карим поднял

классическую башкирскую литературу на новый уровень, а его творчество стало одной из визитных карточек Башкирии.

Он не только поэт, но и превосходный драматург, прекрасный прозаик, тонкий литературный критик, пламенный публицист и отличный переводчик.

Замечательная лирика Мустая Карима отличается самобытностью поэтических образов, высоким накалом чувств, глубиной философского мышления.

Его стихи «Цветы на камне», «Мой край возлюбленный навеки», «Здравствуй, завтра!», «Берега остаются», «О березовом листе», «Карусель», циклы стихов «Европа – Азия», о Вьетнаме, Болгарии и другие стали вершинными явлениями в нашей поэзии.

Цветы на камне

*Ты пишешь мне в печали и тревоге,
Что расстоянья очень далеки,
Что стали слишком коротки и строги
Исписанные наскоро листки,*

*Что дни пусты, а ночи очень глухи
И по ночам раздумью нет конца,
Что, вероятно, в камень от разлуки
Мужские превращаются сердца.*

*Любимая, ты помнишь об Урале,
О синих далях, о весенних днях,
О том, как мы однажды любовались
Цветами, выросшими на камнях?*

*У них от зноя огрубели стебли,
Перевились в колючие жгуты,
Но, венчики пахучие колебля,
Цвели всё лето нежные цветы.*

*Когда бы сердце впрямь окаменело
Среди боёв без края и числа,*

*Моя любовь, которой нет предела,
Цветами бы на камне расцвела.*

Поэтический талант Мустая Карима по-настоящему раскрылся в годы Великой Отечественной войны. Находившийся с самого начала и до конца войны на передовой, он сумел передать мысли и чувства советских воинов в ярких, глубоко лиричных картинах. Стихотворение «Я уйду на фронт» (отрывок), написанное перед отъездом на войну, прозвучало клятвой одетых в шинели советских людей.

*Я уйду, товарищи, на фронт.
Отец, пускай в семье никто не тужит,
И Акбузат мне верной правдой служит,
Клинок, слезой твоей омытый, мать,
Меня в сраженьях будет защищать.*

*Я уйду, товарищи на фронт.
Чтоб стариков текла спокойно старость,
Чтоб нашим девушкам краса осталась,
Чтоб наш Урал всегда стоял могучий,
Чтобы над Белой не сгущались тучи.*

Для поэзии Мустая Карима характерно органическое сочетание тонкого лиризма и глубокой философичности с высоким гражданским пафосом. В 1954 году Карим написал стихотворение, которое предопределило современный вектор развития общества. Башкирский писатель, один из немногих действительно известных популяризаторов татарского и башкирского языков, писал так:

*Не русский я, но россиянин. Ныне
Я говорю, свободен и силен:
Я рос, как дуб зелёный на вершине,
Водою рек российских напоен.*

*Своею жизнью я гордиться вправе –
Нам с русскими одна судьба дана.
Четыре века в подвигах и славе
Сплелись корнями наши племена.*

Из-под пера Мустая Карима вышли выдающиеся произведения, вошедшие в золотой фонд башкирской литературы и театра: драмы «Страна Айгуль», «Пеший Махмут», комедия «Похищение девушки», трагедии «В ночь лунного затмения», «Салават»,

«Не бросай огонь, Прометей!», повести «Радость нашего дома», «Долгое-долгое детство», «Таганок», «Помилование» и многие другие.

Он был великим романтиком, сохранившим до своей золотой осени юношеский задор, светлую искренность, доброту и человечность.

Я не случайный гость земли родной,

Я – сын ее, я – человеку брат.

Лишь отщепенец, раб – везде чужой...

Здесь все мое, и я душой богат.

Своими воспоминаниями о классике поделился режиссер Башкирского государственного театра оперы и балета Рустэм Галеев, долгое время знавший его лично.

– В силу моей профессии Мустай Карим волновал меня как драматург. Без сомнения, он был выдающимся человеком. Когда вместе с Салаватом Низаметдиновым мы думали ставить оперу, решили ставить именно по Мустаю Кариму, хотя вариантов, на самом деле, было много (опера «В ночь лунного затмения»), – рассказывает Галеев.

– Конечно, надо было просить разрешения. Пошли к нему в гости. Помню, встретил нас он очень радушно, дал нам полный карт-бланш, сказал, мы молодые, мол, нам и виднее...

Как вздумал я, что многое узнал,

Как показалось, что уже финал,

Рискнул спросить: «Куда бежать из стай?

Скажи, Мустай!»

«От стай не стоит отбиваться, – молвил он, –

Конечно, если стая не ворон...»

«Как тело залечить, когда упал?

Как душу сохранить когда устал?»

«А ты не падай и не уставай» -

Сказал Мустай.

«А если стая метит не туда?

А если кровь её – одна вода? –

То и тогда шепнёшь: не замечай?

Скажи, Мустай!»

«От стай не стоит отбиваться, – молвил он, –

Конечно, если стая не ворон...»

Я в дверь открытую ногой и лбом стучал,

*Про что-то главное глухому я кричал.
«А ты не очень лошадь погоняй» -
Сказал Мустай.
И всё же, всё же,
Всё же, всё же, всё же
Скажи, как жить? –
Ведь ты так много прожил!
И он сказал, светясь душой под кожей:
«Я не советчик.
Я тебя моложе...»*

Рустэм Галеев

Белорусы

Янка Купала. Это ключевая фигура в истории белорусской культуры, которого часто называют «духовным лидером» и «певцом народной судьбы». Строки – **«Я же песенку начну»** – были девизом всей его жизни, которому он никогда не изменял.

25 Потому что был истинным Песняром – певцом народной судьбы. Всю свою творческую жизнь он посвятил родной Белоруссии и её трудолюбивому народу.

Его творчество сыграло огромную роль в формировании национальной идентичности белорусов, развитии литературного языка и культурного возрождения.

*Могучее слово, ты, слово родное
Со мной наяву и во сне;
Встряхнуло мне душу звучанием новым,
Учило и пелось во мне...*

Янка Купала поднял национальное художественное слово на небывалую высоту. Купала – мастер пейзажной лирики.

Природа в его стихах живёт сложной, одухотворённой жизнью: она радуется и печалится, навеивает думы, наполняет душу покоем или, напротив, тревожит. Менее всего к его пейзажам подходит определение – зарисовка с натуры. Природа живет в его стихах сложной жизнью, она радуется, печалится, плачет, навеивает думы, наполняет душу покоем и волнует, рождает мечты.

*С венчиком прелестным
И в накидке дивной
Ходит бором-лесом,
по лугам и нивам.*

*Солнцу-ясногрею
Расплетает косы,
Утром ранним сеет
Бриллианты – росы...*

Янка Купала – убежденный противник войн, когда **«искать уже правды нечем, только порохом да мечом»**. Сохранилось множество воспоминаний о популярности стихов Купалы среди партизан и подпольщиков в годы Великой Отечественной войны, причём не только этнических белорусов.

Его поэзия стала как бы воплощением той земли и тех людей, которых им выпало защищать, зачастую ценой собственной жизни. В одном из публицистических выступлений 1941, первого года страшной войны, Янка Купала сказал про свою Родину так:

«Беларусь – не географическое понятие. Беларусь – это мир, это идея, это наследие наших отцов...».

*Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте врагов поганых,
Режьте свору окаянных,
Свору чёрных псов войны.
Вам опора и подмога
Белорусский наш народ.
Не страшит пусть вас тревога –
Партизанская дорога
Вас к победе приведёт...*

Сегодня о Янке Купале говорят «белорусский Пушкин», его именем названы улицы, театры и парки, его стихи учат в школе, он – символ белорусской духовности. Глава государства Александр Лукашенко высоко оценил творчество поэта:

«Для многих поколений знаменитый Песняр стал путеводной звездой, примером бескорыстного служения Отечеству. Поэт, драматург, публицист, своими произведениями он открывал белорусам богатство и красоту родного языка, великолепие пейзажей, славную историю нашей страны...».

Вот одно из сильных и пронзительных стихотворений белорусского поэта Владимира Короткевича, посвященное памяти Янки Купалы:

*Он первый вывел нас из мрака,
Поэта голос, как набат.*

*Сквозь ночь, где слезы лились в драке,
Где каждый был себе не рад.*

*Он дал нам выпрямить колени,
Вернул нам имя, честь и кров.
Народ, забывший дерзновенье,
Вдруг обрел величье слов.*

*Он был пророком для народа,
Вздыхал, как песню, свой народ.
И сквозь тюремные засовы
Его любовь к нам дойдет.*

*Пускай ушел он в край далекий,
Но жив в делах его завет.
И этот голос ясноокий
Над Беларусью вечно светит, как рассвет.*

Буряты

Дондок Улзытуев. Лирика Улзытуева подкупает искренностью, чистотой помыслов, удивительной окрылённостью чувств. Поэзия его очаровывает и погружает в бурятский быт, дикую природу Бурятии и Прибайкалья, одновременно показывая простую крестьянскую жизнь и возвышая до горных хребтов и выше.

«Улзытэ» с бурятского языка переводится, как «счастливый». Улзытуев счастливо от природы наделён подлинным поэтическим даром: у него зоркий и точный поэтический глаз, активное поэтическое мышление, живая образная реакция на зрительные и духовные впечатления и очень привлекательный лирический голос... Всё это им органически воспринято от народа и естественно кровно прочувствовано.

Сын байкальских степей, выходец из улуса, Улзытуев не мог скрыть пронзительной тоски, которая сквозит практически в каждом его стихотворении. Тоски по ушедшим народам и цивилизациям:

*Где божки золотые –
Статуи в серебре
С ликом хана Батыя? –
Где-нибудь в Селенге.*

(У бурятов есть обычай бросать в воду золотые и серебряные статуи божков.)

Он писал так, словно каждое слово – музыка. Вот подстрочный перевод его первых стихов: **«как прекрасны цветы ая-ганга, бамбагаа, багульника – растущие на моей земле, куда ушли предки. Как же были они прекрасны, если стали землей, рождающей такие цветы...»**. Дондок часто напевал свои стихи. Напишет – напоеет.

*Мне сон приснился
под цокот подков,
под шелесты дождика смутного:
будто из щелей всех облаков
капает
прекрасная музыка.
Льётся и льётся,
капает музыка,
льётся снова и снова,
и, старец уже седовласый,
самый старый на свете,
подставляя полу халата,
длинного,
голубого,
я собираю мелодии
и раздаю их детям.
И будто я умер,
и музыка,
как дождь, мне лицо омыла...*

Его произведения переводились на русский язык такими мэтрами, как Евгений Евтушенко, Михаил Светлов, Станислав Куняев. Критик И. Пеньковский на страницах журнала «Дружба народов» так отзывался о поэте:

«Улзытуев счастливо от природы наделён подлинным поэтическим даром: у него зоркий и точный поэтический глаз, активное поэтическое мышление, живая образная реакция на зрительные и духовные впечатления и очень привлекательный лирический голос... Всё это им органически воспринято от народа и естественно кровно прочувствовано».

Жизнь Дондока Улзытуева оборвалась в 1972 году, но его светлое творческое наследие продолжает жить. Ученый Геннадий Молонов называл его новатором бурятской поэзии, так как он **«с величайшим инстинктом истинного художника относился к творческому наследию предков»**.

Гуманистические идеи, так сильно звучащие в поэзии, в том числе и в бурятской лирике, выражены Дондоком Улзытуевым с особым вдохновением:

*Я мечтаю, чтоб люди
И деревья друг друга поняли,
Объединенные дружбой,
Огромною, как земля;
Чтобы клен миссурийский,
Желтый сандал Японии,
Наш кедр
И лианы над Гангом –
Были одна семья!*

Дондок Улзытуев пользовался большим уважением у своих собратьев по перу...

*Все кузнецы по-своему велики:
Кто лошадь подкует, кто изготовит нож.
Дацан. Пльвут божественные лики...
Как ты, Дондок, ни них похож!..*

29

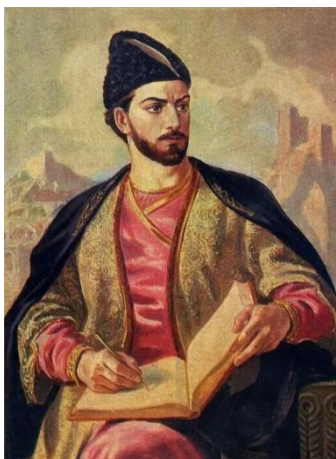
Батор Тумунов, книгоиздатель

Грузины

Шота Руставели. Он по праву считается величайшим грузинским поэтом, а его главное произведение, поэма «Витязь в тигровой шкуре» («Вепхис ткаосани»), стало краеугольным камнем не только национальной, но и мировой литературы. «Витязь в тигровой шкуре» сохранил грузинский язык так, как он звучал восемь веков назад. Благодаря этому Грузия получила не только литературное произведение, но и культурный мост между эпохами.

Поэма вошла в каждую семью, передавалась как семейная реликвия, цитировалась в поздравлениях, тостах и даже в решении жизненных вопросов.

В ней удивительным образом соединены рыцарские идеалы, философия, любовная история и глубокое понимание человеческого характера. Руставели говорил языком, который был одновременно поэтичным и точным, высоким, но очень человеческим.

*– Я поэт, и в мире этом
Всех судьба нас отмечает:
Одарив таланты светом,
Пышно лаврами венчает!
Потому герой мой главный –*

*Тариели знаменитый –
Вам предстанет гордый, главный,
Рыцарь лаврами увитый...
Он, в истории воспетый,
Был герой грузинской славы,
В кожу барсову одетый,
Легендарный, величавый,
Он в боях, как лев, спокоен,
А в любви – нежней свирели.
Вот кто был грузинский воин,
Несравненный Тариели...*

В поэзии Руставели видное место занимают афоризмы – всплески народной мудрости. В поэме, заключающей в себе тысячу пятьсот с лишним строф, число афоризмов достигает двухсот; выраженные в большинстве случаев в одной строке, они яркие, глубоки и выразительны.

*Лучше гибель, но со славой, чем бесславных дней позор.
Что раздашь – твое, что скроешь – то потеряно навек.
Вновь родиться ты не сможешь, зла не обратишь в добро.
Разве знал победы радость, кто от клятвы отступил?
Но для злого злое слово – слаще тела и души.
Кто, пленившись нежной розой, без шипов ее сорвал?
Радости вкушать не трудно, в неудачах крепким будь!
Из норы выводят змеи сладкозвучные слова.
Каждый мнят себя стратегом, видя бой со стороны.
Сотня тысячу осилит, если мудр вождя совет.
И для каменного сердца есть алмазное копье!..*

Поэт владел обширными знаниями и навыками в пиитике, риторике, богословии. Был хорошо знаком с персидской и арабской письменностью, гомеровскими сочинениями и платоновской философией. Такие познания благотворно сказывались на создании потрясающих лирических работ, которым свойственны метафоричность и афористичность. **«Не оценишь сладость жизни, не вкусивши горечь бед»**, – написал в 1210 году мудрый поэт.

Шота Руставели оказал огромное влияние на последующее развитие грузинской литературы. Он остаётся больше, чем поэтом, он – голос эпохи, ставший вневременным. Его строки, рождённые в золотом веке Грузии, преодолели границы

столетий и культур, напоминая нам о вечных ценностях – чести, дружбе, любви и верности.

Расул Гамзатов отмечал, что **«Витязь в тигровой шкуре» – это не просто литературный памятник Грузии, а духовный свод законов чести, благородства и доблести для всех народов Кавказа».**

Творчество Руставели, как и его загадочный образ, продолжает вдохновлять, объединять и учить – значит, оно по-настоящему бессмертно.

Казахский народный акын и жырау, певец и композитор Кенен Азербаев посвятил поэту такие строки (отрывок):

*Родился в Грузии
Великий Руставели,
Чей пламень сердца
Не погас в веках,
Волшебной музыкой
Волнующей свирели
Звучали его песни
На устах.
Возвысил песнь
Великий Руставели,
Он поднял ее
Выше гордых гор,
Ветрами буйными
Они в веках шумели,
Владыки мира
Усмиряли взор.
Народа скорбный глас
В его сказанье,
Из благородного металла
Стих отлит...
Поэт, что жил
В век горя и страданья,
С потомками
Сегодня говорит.*

Евреи

Шмуэль Йосеф Агнон. Получил известность и Нобелевскую премию за оригинальность мастерства повествования, которая берет истоки от еврейских народных мотивов.

Агнон писал на иврите и на идише. В центре его внимания – конфликт между традиционной еврейской жизнью и языком и современным миром. В своих произведениях он мастерски соединял фольклорные мотивы, религиозные традиции (в том числе идеи хасидизма и каббалы) с глубоким психологизмом, иронией и состраданием. Его проза отличается библейским ритмом, прямыми и скрытыми цитатами из Торы и Талмуда, сложными ассоциативными рядами.

«Уникальность творчества Агнона в том, что он сумел освоить этот опыт в жанрах художественной литературы, сумел соединить несоединимое – ортодоксальное еврейство и Европу, Берлин с Бучачем и Иерусалимом, средневековую экзегетику и модернистскую новеллу». Елена Римон, израильский филолог, литературовед и переводчик

32

В конце 1920-х годов Агнон написал своё самое значительное произведение, двухтомный роман «Свадебный балдахин» (כלה הכנסה, «Хахнасет калла»). Название «Хакнасет кала» буквально переводится как «введение невесты» и несёт двойной смысл: участие в свадебной церемонии и хлопоты, связанные с замужеством. Юмор и ирония в «Свадебном балдахине» сочетаются с состраданием, что типично для творчества Агнона в целом. В книге причудливо переплетаются мотивы хасидских преданий и еврейского фольклора.

Знаковые цитаты из произведения:

О значении милосердия и надежды:

«Что ты сидишь, словно невеста, над которой свадебный балдахин обвалился? Не иссякла милость Его, Благословенного, и нет причины отчаиваться, не приведи нас Бог. Что не удалось сегодня, удастся завтра».

О браке и радости:

«Пусть другие шествуют под свадебный балдахин под руку со знатными и богатыми провожающими, я же пойду сочетаться браком в окружении бедняков... И пусть все это было более чем странно, ничто не омрачало мою радость».

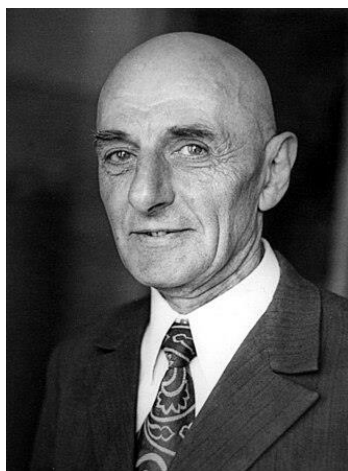
Агнон свое место в литературе определял как нахождение между двумя полюсами, на одном из которых – светский писатель, а на другом – переписчик свитков Торы.

В своей статье о творчестве израильского прозаика еврейский философ и историк Гершом Шолем пишет: **«...многие критики справедливо отмечают напряжение между Агноном-художником и Агноном-ревнителем традиции. В напряжении**

этом – суть его таланта. Начиная писать, он не соблюдал заповеди иудаизма, но осознанно использовал традицию как творческий материал. С одной стороны, он погружался глубже и глубже в хитросплетения Закона с его величием и двойственностью; с другой – переживал неуверенность, потерянную и отчужденность современного еврея, ищущего мира с самим собой вне традиции, безвозвратно утратившей актуальность».

Ингуши

Джемалдин Яндиев. Это первый народный ингушский поэт, выдающийся лирик, классик национальной поэзии. Одно из стихотворений Джемалдина Яндиева «Мать поёт»:

*Месяц тонет
в дымке тонкой,
Гаснет сонный небосклон.
Мать баюкает ребёнка,
А над ним
Летает сон.
В дом вступает сновиденье,
Дрёма ходит в серебре,
Мать поёт.
И спит селенье,
Спит селенье на горе.*

Русская классическая поэзия послужила благодатным источником и для Джемалдина Яндиева, из которого он черпал основы поэтического искусства. Об этом он выразился в своем стихотворении «Хьаст» («Родник»):

*Из горных родников каждый день
Я напивался холодной водой.
Но слаще воды я не пробовал,
Той, что из чистого родника Пушкина.*

Немеркнувшее творчество Яндиева наложило свой отпечаток на ингушскую поэзию не только двадцатого века, оно всегда будет представлять большой интерес и для любителей классической поэзии и для исследователей истории кавказских литератур. Здесь можно говорить о его крепкой кавказской дружбе с Кайсыном Кулиевым из Балкарии, Магомедом Сулаевым и Магометом Мамакаевым из Чечни, Адамом Шогенцуковым из Кабарды, Нафи Джусойты и Гришем Плиевым из Осетии, с Аткаем Аджаматовым из Дагестана – это все народные поэты своих республик. Об ингуше Яндиеве и балкарце Кулиеве карачаевская поэтесса Хафиза Чотчаева сказала, что **они – две вершины кавказской поэзии, олицетворяющие настоящее братство народов.**

Яндиев пишет только о том, что только что наболело или радует. Он, связанный неразрывно со своей страной, печалится и радуется в унисон с ней. В правдивости и искренности поэта заключается вечная прелесть и очарование его лирической поэзии.

Об этом его стихотворение «**Времени**». Мы приведем его полностью.

Скажи мне, не исчезнет ли в горах,
Подобно эху выстрела ночного,
Мой голос,
Моё песенное слово,
Ответа не нашедшее в сердцах?
Или останусь я в сердцах людей
И отражусь в глазах моих потомков?
Я жизнь прожил среди людей не волком,
Что за добычей рыскает своей.
Не скажут ли, кляня мой бедный прах,
Что мой язык коварный сеял смуту?
Ведь и при жизни я претил кому-то
И неугоден был в моих горах.
Но ты меня возрастило в чистоте,
И пусть я долго шёл по бездорожью,
Я никогда не путал правду с ложью,
Не изменял добру и красоте.
Ведь всё ты знаешь.
Расскажи, как жил,
Что радовало, что меня томило.
Что отчий край, где мать
меня вскормила,
Не забывал я и как жизнь любил.
Что я журчанья горных родников,
Как в жаркий полдень жнец усталый, жаждал,
Что бьются они в строчке моей каждой
И в каждом слове всех моих стихов.

Ренат Джанибеков, поэт и композитор

Иногда в самых критических, в самых сложных моментах наших близких нет рядом, нет тепла, которое они нам дают, но всегда рядом с нами будет то наследие, которое они для нас оставили. И то, что для нас оставил Джамалдин Яндиев, его соратники, – это как вода, привезенная с Кавказа, вкуснее которой нет на свете...

Кайсын Кулиев считал Джамалдина Яндиева одним из ярких и талантливых поэтов Кавказа и написал стихотворение «Не плачь и постарайся, друг...», которое обращено к Яндиеву и выражает общее настроение «наказанных народов».

*Не плачь и постарайся, друг,
Спокойным быть как облака,
Что в небе плавают вокруг,
Кого не бьёт беды рука? Чернее быть не может дня,
Потери – больше. Ты не прав:
Будь мудр – кто потерял коня,
Не плачет, плётку потеряв!*

Кайсын Кулиев и Джамалдин Яндиев завещали нам их великую дружбу и замечательное поэтическое наследие, обогатившее историю культуры двух кавказских народов, вместе испытавших превратности судьбы и с гордостью теперь носящих в памяти имена лучших своих поэтов – балкарца Кайсына и ингуша Джамалдина.

35

Кабардино-балкарцы

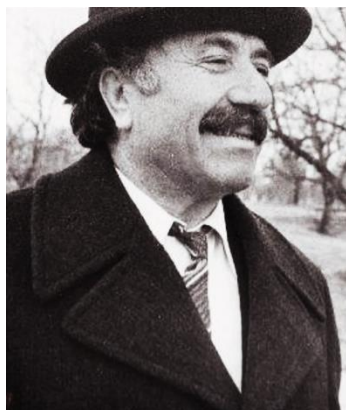
Кайсын Кулиев. Он родился и жил в XX веке и оставил нам в наследство огромные сокровища своего творческого гения. Кайсын жил жизнью своего народа и страны. В июне 1940 года ушёл в армию. С боями Кулиев прошел фронтовыми дорогами Великой Отечественной, был десантником, военным корреспондентом газеты «Сын Отечества», принимал участие в боях за освобождение Москвы, Орла, Ростова, Украины, Крыма, Прибалтики.

Через всё творчество Кайсына Кулиева проходит красной линией любовь к родным местам, истории и традициям балкарцев. Надо знать и ценить народную культуру, считал К. Кулиев. **«Только через образы отчей земли, своего очага, через опыт родного народа» можно понять культуру других народов мира,** – говорил он.

Он ещё больше и глубже обращается к истокам народной культуры. **«Наши пословицы созданы философами и поэтами гор – пахарями и каменотесами, пастухами и дровосеками, которые не могли увековечить свои мысли в фолиантах и томах. Изречения рождались за сохой, у пастушеского костра, под звездным небом, в дороге или у очага. И остались жить вместе со звездами, лунным светом, хлебом и водой. Они были рождены жизнью. Их главная сущность – правдивость и точность. Они выражают глубину, непосредственность и совестливость народной философии. Они будут**

жить до тех пор, пока будут живы языки, на которых они созданы», – писал в своей книге «Так растёт дерево» К. Кулиев.

К. Кулиев безумно любил горы, видел в них кристальную благодетель. В своих стихах радость он возвышал до гор, скорбь выражал, обращаясь к горам, достоинство и честь соизмерял с горами.

*И для меня, не одинокого,
Сумели вы с далеких пор
Мерилом стать всего высокого,
Вершины гор, вершины гор!*

«Всегда гордился тем, что горец я», – пишет он. И в то же время родина для Кайсына Кулиева не только место, где он родился, но и весь Кавказ.

*Всем дарил им ты, седой Кавказ,
Мужество сердец и зоркость глаза,
Говорил: «Будьте в трудный час
Прометееми, сыны Кавказа.*

36

Он знает, что на Кавказе все народы всегда с уважением сохраняли традиции и обычаи: почитание старших, заботу о младших, сакральное отношение к матери, гостеприимство, и в них не было оговорки на национальность.

*На мир смотрите добрыми глазами,
Чтоб добрым было слово, добрым труд.
Пусть дураки сочтут вас дураками,
Злодеи малодушными сочтут.*

*Нам, людям, лишь добро приносит счастье.
Оно в конце сильнее зла всегда;
Погибнет в яме волк с кровавой пастью,
Пожар погасят ветер и вода.*

*Пусть у глупца спокойней жизнь и краше,
Пусть в жизни сам злодей не знает зла,
Добро вовеки будет богом нашим,
Ему – молитва наша и хвала.*

«Его поэзия – это целостность человека и мира», – говорит Салих Гуртуев, поэт и переводчик, заслуженный работник культуры Кабардино-Балкарии.

«Ни разу в жизни он не ставил границы между собой и своим народом, а главное – подтягивал землю к небу, а не наоборот», – считает Фатима Кулиева.

«Мне кажется, лучше всего его внутренний мир характеризует стихотворение «Как хорошо проснуться на рассвете...», – считает Фатима. – Он очень любил жизнь. Наверное, потому, что знал ей цену».

*Как хорошо проснуться на рассвете,
Глядеть на мир, за птицами следить
И знать, что выше счастья жить на свете
На свете ничего не может быть.*

*Какое счастье утром пробудиться,
Увидеть гребни гор издалека,
Увидеть, как над зрелой пшеницей
Неспешно проплывают облака.*

*Какое это счастье, что ты можешь
Смотреть на дорогих тебе людей,
На землю, чьи черты святые схожи
С чертами милой матери твоей.*

*Прекрасно всё, что просто, всё, что сложно,
И как не любоваться нам с тобой
Любой земною тварью – пусть ничтожной,
Земной неповторимой красотой!*

*Прекрасно все: и сокол, и кузнечик,
Зелёный и желтеющий листок,
И дождь, и снегопад, и чёт, и нечет,
Всё, что приходит в срок или не в срок.*

*Как хорошо проснуться на рассвете,
Глядеть на мир, за птицами следить,
И знать, что выше счастья жить на свете,
На свете ничего не может быть!*

Джемалдин Яндиев гордился дружбой с Кайсыном, восхищался его талантом и мужеством, назвав его всадником в поэтическом посвящении другу:

*Джигит непреклонный,
Он сросся с конём
В бескрайней дороге
И ночью и днём.
...И горы сидели.
И горы седели,
Молчанье храня,
Пока гордый всадник
Бродил без коня...
Он – снова в дороге!
Он – вновь на коне!
И песня
С зарёй обнялась в вышине*

38

Казахи

Олжас Сулейменов. Легендарный поэт, ученый-лингвист, дипломат и общественный деятель. Очень точно о нем в свое время сказал Евгений Евтушенко: **«Все люди относятся или к приближающим, или к отдаляющим будущее. Олжас Сулейменов – из приближающих его».**

В своей «Глиняной книге» – ее называли в свое время самой авангардной советской поэмой – Олжас Сулейменов указал путь в будущее от этноса к этосу через эпос. **«Поэзия – это всегда поступок»**, – считает он. И в этом суть его поэтики – стратегия преобразующего жизнотворчества.

Он никогда не стоял в стороне от своего времени. Старшее поколение хорошо помнит знаменитую строку – «Земля, поклонись человеку!» – из одноименной поэмы. Но не все знают предысторию. Вначале было стихотворение о полете Юрия Гагарина в космос, написанное Сулейменовым за день до этого исторического события.

Ему, бывает, задают вопрос: «Неужели вы заранее узнали, что Гагарин полетит?» Олжас Омарович отшучивается: «Да, накануне мне звонили из Кремля...». А как на самом деле?

– На самом деле, – вспоминает он, – об этом мне сказал Федор Боярский, редактор «Казахстанской правды», где я тогда работал. Конечно, для меня это было своего рода потрясением. Тогда все ждали, когда человек полетит в космос. И вдруг редактор говорит: «Возможно, завтра. Поэтому давайте, напишите что-нибудь».

После полета Гагарина, уже в мае 1961 года, Сулейменов съездил в Америку, а затем в Париж, где прочитал отрывок из своей поэмы в переводах на английский и французский. Поэт призывал человечество:

*Вы совершили свой первый подвиг.
Преодолели земную тягость,
Чтобы потомки это запомнили,
Преодолейте земные тяжбы!
Реки, вспаивайте поля!
Города, вставайте в заре!
Пусть, как сердце, летит Земля,
Перевитая жилами рек!*

Начав книгу «Аз и Я», как поэтическую расшифровку темных, неразгаданных мест «Слова о полку Игореве», Олжас Сулейменов создал новую научную дисциплину – тюркославиистику и, совершив открытия в тюркской этимологии шумерских слов и иероглифов, выработал новую методологию исследования. Поэт назвал это археологией знака и слова. Очень высоко оценил книгу «Аз и Я» культуролог Мурат Ауэзов, большой друг Олжаса Сулейменова.

39 **«Перед нами – выдающееся произведение. Олжас Сулейменов предстает в нем в величии своего интеллекта, редчайшей культуры художественного и научного мышления, высоконравственного мировоззрения...».**

Археология слова – его новая научная дисциплина о происхождении слов, названий предметов и явлений культуры. В ее основе рассмотрение этимологии слов в их связи с происхождением образного письменного знака. Это позволяет исследовать корневые основы как многих культурных и религиозных терминов, так и повседневных слов, происхождение которых давно забыто. Олжас Омарович исследует единую судьбу человечества в тысячелетиях и находит как примеры, способствующие осознанию взаимозависимости народов и культур, так и причины, препятствующие этому.

*Нет Востока, И Запада нет.
Нет у неба конца.
Нет Востока, И Запада нет,
Два сына есть у отца.
Нет Востока, И Запада нет,
Есть Восход и закат,
Есть большое слово – ЗЕМЛЯ!*

Его стихи живут в душе его современников как воспоминания о юности, о тех годах, когда, по словам Олжаса, «на дворе стояло время героев». Да и сам он был одним из героев своего времени. В одном из стихотворений Олжас Сулейменов устами своего

героя размышляет о современной поэзии и ищет формулу творческой веры, искусства слова:

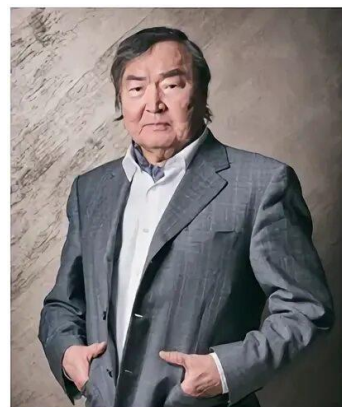
*Как мы не дорожим годами,
мы понимали в этот миг,
как мы не дорожим листьями
своих
всегда последних книг.*

*Как мы боимся в них
крушений.*

*Словес крутые виражи –
замедленное выражение
смущенья нашего
и лжи.*

*Свободой головы мороча,
мы долго говорим о том,
что надо бы сказать короче
о самом главном
и простом:*

*строчи, поэт, любым калибром,
сади слова любой обоймой,
стих может быть
и не верлибром,
поэзия была б
свободной.*

Творчество Олжаса Сулейменова – это яркий и многогранный мир литературы, философии, истории и культуры. Его произведения продолжают вдохновлять и завораживать читателей по всему миру. Его вклад в развитие казахской литературы и культуры неоценим.

Олжас Омарович не только поэт, ученый, но общественный и политический деятель. Он выразил мнение о том, как культуры разных народов могут стать фактором их сближения. Он утверждает, что **«мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом»**.

Это ему принадлежат слова **«Нас объединяли мудрые – пусть нас не разделят невежды»**. Он находился в «творческой переключке» со многими известными поэтами. Среди его близких друзей были Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко и

Роберт Рождественский. Свидетельство духовного и поэтического родства поэтов того периода звучит в стихотворении Риммы Казаковой, посвященном Олжасу Сулейменову «Люблю тебя, товарищ мой Олжас».

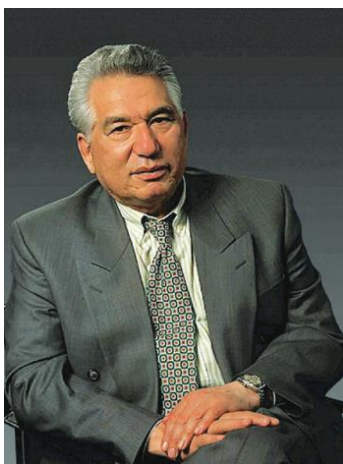
*Люблю тебя, товарищ мой Олжас,
За все, что ни возьмешь –
ни так, ни с бою,
Люблю – не раз ожегшись, обожжась
Чем-то в тебе, или в себе – с тобою.
Люблю тебя за точный твой талант,
За то, что так свободен, так раскован,
За то, чем дарит жизнь, взамен утрат.
Того, чьи дни бегут путем рисковым.
А трудный нрав – какие пустяки!
Люблю за это утоление жажды –
Всецело, безвозмездно – как стихи,
Что полонили всю меня однажды.
За всех, кому ты так не по душе!
Они любви нас нелюбовью учат...
За то, что не переиграть уже
Ни вздоха, ни улыбки, ни созвучья.
За взлеты и ошибки сгоряча,
А быть иным – ни смысла нет, ни средства.
За прямопу надежного плеча,
За чувство локтя, нет – за чувство сердца.*

Под влиянием своих русских друзей-поэтов-шестидесятников Олжас Сулейменов первым из поэтов-казахов создает на русском языке особый вид поэзии, стихи, в основе которых лежит ритм, особый, четкий, часто меняющийся на протяжении всего сюжета, что придает стихам необычную интонационную тональность.

Киргизы

Чингиз Айтматов. Киргизский и русский писатель, талант мирового масштаба. Это имя стало знаковым для своей эпохи и, несомненно, вошло в историю мировой литературы. «И дольше века длится день...», «Тополек мой в красной косынке», «Ранние журавли»... – это далеко не полный список шедевров мэтра, пронизанных лирикой любви, дружбы, преданности.

Его творчество неповторимо и многообразно. В нем есть место сказкам и легендам, его романы повествуют о глобальных проблемах современности, а также это трогательные повести о любви. Каждую строку можно разбирать на цитаты, которые не забудутся никогда.

«И что бы ни ждало нас на свете, правда пребудет вовеки, пока рождаются и умирают люди...» – эту цитату из романа «Белый пароход» можно считать девизом писателя, средоточием его жизненных ценностей. Искать правду и говорить ее людям было главной целью Айтматова, устами которого говорили многие его герои.

«Каждый народ, даже самый маленький, – неповторимый узор на ковре человечества».

Его творчество стало мостом между восточной и западной культурами, а созданные им образы и мотивы обрели самостоятельную жизнь в мировой культуре.

«Думаю, у всех народов есть общие духовные ценности. Нет такого народа, который бы не любил свой край, свою землю, даже если это пустыня, я не знаю такого народа, в котором без уважения произносилось бы имя отца, матери, я не знаю такого народа, который бы презирал своих предков. Видимо, это и есть основные духовные, нравственные опоры».

Айтматов мастерски соединил традиции киргизского устного фольклора с современными литературными тенденциями. В его произведениях органично переплетаются легенды, притчи и реальные исторические события. Об этом говорил писатель в одном из своих интервью:

В романе «И дольше века длится день» я рассказывал старую легенду о манкуртах. Это, кстати, на самом деле был реальный исторический эпизод, когда людей путем пыток (им брили голову, натягивали на нее только что освежеванную верблюжью шкуру или желудок, и она, высыхая, сдавливала человеку череп, а волосы начинали вращаться внутрь) – лишали памяти, превращали в рабов, послушных как зомби. Кажется, что общего между современным миром и тысячелетней легендой? А во время перестройки люди выходили на улицы с плакатами «Нас не обманешь: мы не манкурты!»

Чингиза Айтматова называли классиком литературы ещё при жизни. По данным ЮНЕСКО, он является одним из самых читаемых авторов современности. Его произведения были переведены на 176 языков мира, изданы в более чем 128 странах тиражом, превышающим 100 млн. экземпляров, особо почитаем писатель в тюркоязычных странах. Глубоко одарённый, он обладал планетарным мышлением, за что его называли «Айтматовым человечества».

«Чингиз Айтматов был один из лучших наших прозаиков. Он сочетал в себе прекрасное знание среднеазиатской жизни и соединил это с русским языком, достаточно свободно и достаточно уверенно».

Фазиль Искандер

Чингиз Айтматов никогда не уклонялся от строгих нравственных ориентиров и того же требовал от друзей. Много лет он дружил с Мустаем Каримом. Они дружили и высоко ценили друг друга. Мустафа Сафич был старше Айтматова на десять лет, он прошел войну, носил в себе осколок снаряда и тяжелые воспоминания... Но творчество их во многом перекликается. Наверно, в этом и заключается похожесть менталитетов кыргызского и башкирского народов – созерцательность, искренняя нежность к женщинам – матери, сестрам, дочерям, уважение сильного мужского начала.

В 1971 году появилось это посвящение Мустая Карима своему другу.

Чингизу Айтматову

*Была моя жизнь непрерывной игрой,
Я сам – то огромен, то мал.
То нечет, то чет, то отлив, то прибой,
Успех набегал на провал.
К находке была мне потеря дана,
К добру – своя толика зла...
Любовь никогда не являлась одна,
Печаль по пятам ее шла.
Едва благочестье меня усмирит,
Как бес уже шепчет свой вздор,
Чем громче хвала надо мною гремит,
Тем в сто раз страшнее позор.
Наверно, рубеж через сердце идет.
Чтоб с полднем не спуталась мгла,
Чтоб радость, достигшая самых высот,
До счастья дойти не могла.
Была моя жизнь непрерывной игрой,
Был жребий и странен и шал:
То нечет, то чет, то отлив, то прибой,
Успех набегал на провал.
Сквозь легкость удач я джигитом летел,
В исканьях я к мужеству шел,*

*Но лишь от печалей, от слез и потерь
Я голос поэта обрел.*

Они умели дружить. Умели восхищаться друг другом. По достоинству оценить творчество друг друга.

Величайшим по своей значимости айтматовским заветом стал его наказ кыргызам любить и уважать Россию: **«Россия дана нам Богом и историей»**. Чингиз Торекулович всегда считал Россию своей второй Родиной, которая вывела его на широкую творческую дорогу, вдохновила на высокие художественные свершения, помогла в международном признании его выдающегося таланта.

Китайцы

Конфуций. Основатель философии и литературы. Писатель, чьи идеи и учения стали основой не только китайской философии, но и культуры в целом. Он считается основателем конфуцианства, которое повлияло на многие аспекты жизни в Китае, включая моральные нормы, общественные отношения и политику. Его учения были записаны его учениками в произведении «Лунь юй» (论语), которое до сих пор является одним из важнейших текстов китайской классической литературы.

Конфуций – философ и писатель, чьи идеи и учения стали основой не только китайской философии, но и культуры в целом. Он считается основателем конфуцианства, которое повлияло на многие аспекты жизни в Китае, включая моральные нормы, общественные отношения и политику. Его учения были записаны его учениками в произведении «Лунь юй» (论语), которое до сих пор является одним из важнейших текстов китайской классической литературы.

«Лунь юй» состоит из изречений Конфуция и бесед с его учениками, отражая философию, этику и взгляды на управление обществом:

- **«Учиться и не размышлять – напрасно терять время, размышлять и не учиться – губительно».** Здесь подчёркивается важность и активного познания, и критического осмысления.
- **«Не беспокойся о том, что люди тебя не знают, а беспокойся о том, что ты не знаешь людей».** Эта мысль о саморазвитии и стремлении к пониманию других.
- **«Если кто-либо вместо любви к прекрасному избирает уважение к мудрости, отдаёт все свои силы служению родителям, не щадит своей жизни, служа государю, правдив в отношениях с друзьями, то, хотя о нём и говорят, что он не обладает учёностью, я обязательно назовём его учёным человеком».** Подчёркивает, что истинная учёность – в поступках и моральной целостности, а не только в эрудиции.
- **«На зло отвечай справедливостью, а на добродетель отвечай добродетелью».** Идея о том, что ответ должен быть конструктивным и нравственным.

- **«Три вида дружбы приносят пользу: прямой, искренний, много слышавший; три вида дружбы вредны: лицемерный, льстивый, болтливый».** Чёткое разграничение хорошего и плохого окружения.

Книга изречений «Лунь юй», записанных учениками Конфуция, относится к числу наиболее бесспорных книг знаменитого философа.

Конфуций не только был учителем, но и создателем литературных норм. Его философия сыграла ключевую роль в развитии китайской литературы, где большое значение придавалось образованию, добродетели и гармонии.

Какие добродетели выделял Конфуций?

Часто говорят о «пяти постоянствах» (У чан) – наборе ключевых качеств, к которым должен стремиться «благородный муж» (цзюнь цзы). Вот что в них входит:

Жэнь (仁) – гуманность, человеколюбие. Это центральная добродетель. Конфуций объяснял её просто: *«Это значит любить других»*. Её суть – в стремлении к балансу в отношениях: не делать другому того, чего не хочешь, чтобы сделали тебе. Он считал, что гуманность присуща природе человека, и призывал культивировать её через самосовершенствование.

И (义) – справедливость, праведность. Здесь важно не столько формальное следование закону, сколько внутреннее чувство долга, соответствие поступков истине и правильному. Конфуций подчёркивал: человек должен действовать из чувства долга, а не ради выгоды или социального статуса.

Ли (礼) – ритуал, благопристойность, соблюдение норм поведения. Ритуал для Конфуция – не пустое внешнее действие, а способ упорядочить жизнь, выразить уважение и поддерживать гармонию в обществе. Через ритуалы человек учится контролировать свои желания, развивать чувство меры и осознавать свои

Чжи (智) – мудрость, разумность. Эта добродетель помогает не только накапливать знания, но и применять их на практике, разумно оценивать ситуации и людей. Конфуций ценил тех, кто умеет размышлять и учиться.

Синь (信) – искренность, доверие. Ключевой момент: слова не должны расходиться с делом. Человек должен быть надёжным, держать данное слово и быть готовым исправлять ошибки.

Позже в конфуцианской традиции к этому списку иногда добавляли и другие важные качества – например, **чжун (忠) – верность (преданность делу, близким, государю) или сяо (孝) – сыновнюю почтительность (глубокая забота о родителях, уважение к старшим, которая рассматривалась как основа всех добродетелей).**

Еще 25 веков назад Конфуций описал, каким должен быть правитель, чтобы его страна процветала. И история доказала, что он был прав. Учение Конфуция, призывавшее руководить народом посредством добродетели, стало не чем иным, как эволюционным шагом вперед. Великодушие, благородство, пример – все это, несомненно, было новшеством и казалось невозможным в мире первобытной

дикости. Чтобы эти принципы выжили, необходимо было, по крайней мере, чудо. И, в конце концов, чудо явилось, как в Китае (конфуцианство), так и на Западе (христианство). Без этого гуманистического элемента, выросшего в обстановке дикой междоусобной борьбы, человеческой цивилизации никогда бы не было.

Он верил в нравственное предназначение человека. Мы обязаны совершенствоваться и становиться как можно более развитыми, превращаясь в лучшие человеческие существа. И это единственный способ осмысленно прожить жизнь.

Краеугольным камнем нравственного общества для Конфуция было не классовое устройство, а любовь. И тут можно сравнить конфуцианство с христианством. Оба учения провозгласили главным своим принципом «любовь к ближнему».

Если бы нам пришлось выбрать для определения конфуцианства одно слово, то этим словом был бы «гуманизм».

Конфуцианство также связано с древнейшими классическими книгами, знание которых до сих пор единстве считается одним из критериев «китайской образованности».

К ним относятся: «Книга песен» – сборник народного эпоса, ставший основой зарождения китайской поэзии; «Книга истории» – сборник документов, описывающий поражения и победы китайских правителей; «Книга порядка» – сборник религиозных, нравственных, политических церемоний и ритуалов, норм социальной жизни; «Книга перемен» (содержит первые философские положения о Дао как природной или божественной закономерности, которая господствует во Вселенной, о человека и природы).

Конфуций придавал книгам огромное значение – но не как самоцели, а как ключевому инструменту для самосовершенствования и построения гармоничного общества.

Он видел в них концентрат знаний и нравственных уроков, накопленных предшествующими поколениями. Он сравнивал людей, не знакомых с классикой, с теми, кто **«стоит лицом к стене и не видит будущего»**.

Через чтение человек усваивает мудрость, учится понимать природу человека, выстраивать правильные отношения в обществе и развивать в себе добродетели.

«Человек учится только двумя способами, один – чтением, а другой – общением с более умными людьми». Конфуций

Конфуций видел в книгах не просто источник информации, а священное хранилище мудрости предков, необходимое для формирования благородного мужа. Он подчеркивал, что знания из книг мертвы без их практического применения и размышлений: **«Учиться и не размышлять – напрасная трата времени»**.

Истинный смысл чтения, по его заветам, заключается в непрерывном самосовершенствовании и следовании принципам человеколюбия.

Коми

Иван Куратов. Одной из культурной самобытности народа коми является творчество Ивана Алексеевича Куратова – выдающегося коми поэта, лингвиста и основоположника коми литературы. Единственный из финно-угорских поэтов России, стихотворения которого вошли в сборник «Поэзия народов СССР XIX – начала XX веков» серии «Литература XIX века» «Библиотеки всемирной литературы»

Иван Куратов – это загадка века, человек, смотревший вперед на многие-многие годы. Опыт Куратова поистине уникален – он творил на языке, у которого на это время не было письменности, при этом понимая, что его произведения, возможно, никогда не увидят своего коми читателя. И.А. Куратов называл себя по коми: Пантилей-Петыр-Ольёш-Иван, т.е. первым стоит имя его прадеда, затем деда, отца и последним его самого.

Мой язык я слышал
С самой колыбели,
И хочу, чтоб люди
Вслух на нём запели.

До глубин проникшись
Красотою слога,
Я на коми первым
Петь стал понемногу...

Ну а кто-то сможет
Громче взять и выше –
И родное слово
Тысячи услышат!

В стихотворениях И. Куратова представлен поэт, определяющий для себя принципы художественного изображения человека. Об этом И. Куратов размышляет в своих конспектах: **«Зырянские стихотворения своего рода... редкость. Но когда есть народ, то ему нужно образование, познания же можно передать ему через его же язык».**

«Куратов творил в тот период истории России, который принято называть «золотым веком» русской литературы. Он был современником Толстого, Тургенева, Некрасова, Тютчева, Достоевского, Никитина и многих других писателей, которыми по праву гордится русская литература. Поэзия

Куратова рождалась именно в этом контексте, поэтому по форме и по содержанию она не отличается от лучших образцов русской поэзии этого периода. По сути, поэзия Куратова – это поэзия золотого века русской литературы, но на коми языке».

Павел Лимеров, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН

И. Куратов, человек образованный, глубоко понимал, каково благотворное влияние национальной литературы на распространение образования среди коми народа. По мнению поэта, национальная литература возможна и будет сформирована, если будут воссозданы национальные характеры, художественно изображены обычаи и жизненный уклад народа. Во-вторых, писать о народе надо на родном языке, ведь именно народ является носителем национальной речи.

Таким образом, «крестьянский» цикл поэта – это стихи не только о народных типах, но и о самом себе, о своем отношении к народу. Именно в «крестьянских» стихотворениях он манифестирует себя коми поэтом. Уже в стихотворении «Виль сьыланкыв» (Новая песня), которое было написано в 1860 году, поэт подчеркивает, что его поэзия будет неотделима от судеб народа:

48

*Лучше песни новые поищем –
По полям своим, по селам нищим.
На лугах и в чащах, там и тут,
Нам их парни, девушки споют...
Петь по-своему начнем – и вскоре
Мы поймем друг друга в счастье,
в горе...*

Его поэзия жанрово многообразна: любовная лирика, бытовые зарисовки, острая сатира, философская притча, поэма, исторический рассказ, басня, эпиграмма, перифраз и пародия.

*Каждому в небе звезда есть, –
Скажет мудрец-книгочей.
Но, сколько я ни пытаюсь,
Так и не встретил своей.*

*И оттого я люблюсь любую,
Радуя сердце ночной красотой.
Только лучи их небесно-далёкие
Не согревают мне грудь одинокую.*

*Каждому молодцу с милой
Встреча своя суждена.
Мне только не приютила
Сердце – пока ни одна.*

*И оттого я люблюсь любую,
Радуя сердце живой красотой.
Только, к желаньям моим безучастливы,
И без меня они радостно-счастливы.*

Главная тема литературного творчества – судьба крестьянского труженика, неутомимого кормильца, хранителя лучших свойств родного народа: трудолюбия, душевной прямооты, неброской стойкости, тяги к добру, справедливости и духовному совершенству.

В стихотворениях и поэмах нашли отражение коми народные обычаи и традиции, использовались материалы коми легенд. Главное произведение И.А. Куратова – поэма **«Яг-морт»**. Эта поэма, ставшая делом всей жизни писателя, сконцентрировала его раздумья о народном характере. Яг-Морт – герой преданий народов Севера.

На языке коми-зырян «яг» – лес, лесной, «морт» – человек. «Яг-Морт» означает «лесной человек».

*Весть пришла в деревню ночью:
– Болен Яг-морт, красный нос,–
Ветер, весть порвав на клочья,
По домам ее разнес.
Ветер мечется без цели,
Стонет раненым в ночи,
Лезет в двери, лезет в щели,
Свищет в уши, хоть кричи.
Эту весть, трепля как тряпку,
Ветер бабке передал,
Ошарашил вестью бабку
И до смерти напугал...*

Из дошедших до нас фрагментов поэмы мы знаем, что Яг-морт живёт уединенно где-то в долине реки Печоры, в низине, поросшей густым ельником. Пока он был в силе, помоздинцы, жители села Помоздино, пребывали в постоянном страхе и трепете, они были зависимы от Яг-морта. Но вот Яг-морт заболел, ослабел физически (весть о его

болезни принесло вихрем), и Помоздино ожило, на улицу высыпал и стар и млад, они радостно возбуждены.

Фольклор служит поэту средством для более реалистического описания таежных охотников коми, с головы до ног опутанных всевозможными суевериями и предрассудками – они и сами мало чем отличаются от Яг-морта. Автор показывает, что природное изменяется под воздействием условий жизни и формирует новые черты в народном характере.

Это и ответ поэта на вопрос о том, от каких крайностей национальной и социальной психологии необходимо освободиться коми крестьянству, чтобы одержать победу над Яг-мортом.

В селе Куратово состоялся республиканский праздник «Менам муза», посвященный 187-летию со дня рождения выдающегося коми поэта и основоположника коми литературы Ивана Алексеевича Куратова. На празднике звучали стихи, посвященные коми-поэту.

Памяти Ивана Алексеевича Куратова

*Есть много поэтов на свете,
И каждого имя свято.
Взрослые знают и дети:
В Коми поэт был Куратов.*

*Был он не только поэтом,
Создал грамматику Коми.
Мечтал о сборнике детском,
С названием "Подарки Коле"!*

*Прославил он Коми народ
Своими стихотворениями:
На родной язык перевёл
Классиков произведения!*

*Хоть и трудно было в пути,
Жизни неудач бывало много,
Продолжал он дальше идти,
Находил другую дорогу.*

Родился в небольшом селе,

Что сейчас его имеем названо.
Есть там и дом-музей
Поехать туда я обязана.

Есть много поэтов на свете,
И каждого имя свято.
Хотите, сами проверьте:
В Коми поэт был Куратов.

Марина Нестерова

Корейцы

Ким Соволь. Великий поэт, оставивший неизгладимый и блестящий след в истории корейской литературы. Самый народный и национальный из корейских поэтов нового времени. В его стихах – очень корейские, очень локальные мотивы: тонкая пейзажная лирика, размышления о природе, о простых человеческих чувствах. Через его лирику многие в Корее лучше понимают свои корни, то, что часто называют «корейским духом». Его стихи стали по-настоящему «народными»: на них пишут песни, которые читают и поют и на Юге, и на Севере разделенной Кореи.

Соволь пришел в литературу в начале двадцатых годов прошлого столетия и сразу же привлек внимание критики.

Уже первые его поэтические опыты – «Весна странника», «Тоска», «Сбор трав», «Златая трава занди», «Цветы багульника» вызвали восхищение у читателей.

«О, какое изумительное мастерство, какая прекрасная мелодия, какое глубокое переживание чувств в этих стихах!» – говорилось в журнальном «Обзрении литературного года 1922», написанном известным писателем тех лет Пак Зонхва. – **Появился наконец Соволь в нашем бесцветном поэтическом мире! Нашей радости нет предела».**

У автора «Обзрения» было «единственное пожелание»: **«Поэт, обладающий такой силой наблюдений и изобразительным мастерством, не может оставаться лишь лириком, он должен писать стихи, наполненные взрывной энергией».**

Писательский псевдоним – это самоопределение собственного творческого облика, знак, выражающий эстетический вкус и стиль художника. «Соволь» состоит из двух иероглифов: «Со» – многозначное слово, означающее простоту, безыскусность, скромность. «Воль» – луна. Своим псевдонимом Соволь хотел подчеркнуть, что в искусстве он ценит больше всего естественность, красоту первозданную, без отделки. Именно естественная простота, полная непосредственность определяют путь

истинного художника. Символом такой простоты и нравственной чистоты была для него луна, и она стала эмблемой его творчества.

У корейцев совсем иное отношение к луне, с нее снят покров черной магии, демонизма, она – воплощение доброты. Она покровительница землепашцев и рыбаков, приносит богатый урожай и обильный улов. Луна – друг простолюдина. В силу такой традиции, луна Соволя – не бездушная стихия, которой устрашают мифологические сюжеты иных народов. Его отношение к луне трогательно по своей искренности. Ей посвящены многие его стихи. Поэт говорит также о своей родственной близости к светилу ночи:

*Госпожа моя, мы одна семья.
Вместе мы – любви единое кольцо,
Вы в небесах, но мне Вас ближе нет.*

У Соволя луна – живое существо, чутко реагирующее на чужое горе, но у нее и своя печаль... Солнце и Луна не противопоставлены в стихах Соволя, они не борются, но, дополняя друг друга, образуют гармонию единого...

Луна и горы – излюбленные темы в лирике Соволя. Они и являются наиболее частотными словами в словаре языка Соволя. Гора для корейцев как воздух. Гора – знак родины. Оказавшись на чужбине, в равнинном краю, они вздыхают: без гор душе тревожно... В Корее нет горизонта, нет ландшафта без гор. Солнце восходит из-за восточных гор и заходит за западные.

Цветы в горах

*На горе цветут цветы
Цветут цветы
Летом, осенью, весной
Цветут цветы.*

*В горах
В горах
Цветут цветы
Вот так вот сами собой цветут цветы.*

*На горе поет птичка-малыш
Любит цветы
И в горах
Она живет.*

На горе вянут цветы

*Вянут цветы
Летом, осенью, весной
Вянут цветы.*

Ким Со Воль с помощью образов природы, фольклора и метафор создал уникальную поэзию, которая до сих пор вдохновляет и заставляет задумываться о вечных темах человеческого бытия. Его творчество стало частью богатого наследия корейской литературы и оставило незабываемый след в истории поэзии. Об этом стихотворение «Азалия», которое вошло в золотой фонд корейской литературы:

*Когда ты, устав от меня,
Уйдешь,
Молча тебя отпущу.
В горах Яксан, что в уезде Ёнбён,
Охапку азалий
Нарву – разбросать на твоём пути.
Устилающие путь
Цветы
Слегка, уходя, притопчешь.
Когда ты, устав от меня,
Уйдешь,
Как бы ни было больно,
не расплачусь вослед.*

Это самое известное стихотворение поэта. Это чистый манифест самоотверженной любви, где лирический герой обещает отпустить возлюбленную без единого слова упрека, устлая ее путь цветами азалии.

Поэзия Соволя невероятно музыкальна, она строится на ритмах традиционных корейских народных песен. Ким Соволь искусно переплетал ритмы традиционной корейской песни с глубоким личным переживанием.

*На мелкие части разбилось имя твоё!
Среди пустоты растворилось имя твоё!
Нет боле того, кто носил бы имя твоё!
Назвать на смертном одре я смогу лишь имя твоё!
В глубинах души давным-давно тлеет слово одно,
Но некому больше мне доверить его.*

Ночь является одним из центральных образов лирики поэта. Образ ночи возникает 117 раз в 75 стихотворениях. Почти все его стихотворения, в которых присутствует этот образ, построены по принципу противопоставления того, что было (не давал

воли слезам, жил, как цветок весенний, читал я запоем без слез и забот) и того, что есть (темень ночная, тускло светит ночник, слезы катятся):

*Опять погружаюсь я в темень ночную.
Тускло ночник светит сквозь темень ночную.
Больно мне и невольно слезы катятся.
Тихо льются – льются без конца – просто так.
А прежде я не давал воли слезам.
Жил, как цветок весенний, не зная забот.
И сказки дней минувших в малые года
Читал я запоем без слез и забот.*

Описывая ночь, поэт подчеркивает ее темный цвет: «темень ночная», «темная ночь», «гаснет день, смеркается... стемнело», «сумеречный час». Даже эпитеты в его стихах призваны подчеркнуть ее темноту: «темноволосая ива», «ласточка в юбку из темно-синих перьев наряженная» или говоря о любимой, он называет ее «девушкой с сумерками в глазах». Если и появляется свет – то это или тусклый огонь светильника или луна, которая одета голубой тучей или смотрит сквозь туман, которого тоже очень много в «ночных» стихотворениях Ким Соволя. Луна и печаль взаимосвязаны в этих стихотворениях, она является ипостасью лирического героя:

*Ярок лунный свет. Так бы и любовалась!
А мне ведь это было невдомек.
Вот теперь поняла, что луна – печаль.
А мне ведь это было невдомек.*

Современное издание стихов Ким Соволя носит название «Цветы багульника» (진달래꽃). Соволем восхищаются за красоту и мастерство выражения чувств на корейском языке, за умелое использование языка, за великолепную ритмику. Поэтический язык Соволя давно стал важным достоянием корейской культуры.

*Жизнь на свете прожить можно всяко.
По-видимому, это так и есть.
Жизнь на свете прожить можно всяко.
По опавшим с ветвей цветам тоскует ветер.*

За свою короткую жизнь поэт создал всего около 200 стихотворений, но они оказали колоссальное влияние на развитие всей современной корейской словесности. Современные авторы посвящают Ким Соволю проникновенные строки, подчеркивающие трагизм его судьбы и бессмертие поэзии.

*Звонят ручьи на склонах Ёнбёна,
Цветут азалии в преддверии весны.*

*В твоих стихах – душа Кореи сокровенна,
И свет печальной, искренней луны.*

*Ты пел о боли, о разлуке тихой,
О том, как горько отпускать любя.
И этот голос, нежный и великий,
Навеки в сердце сохранят друзья.*

*Пусть «Чиндалле» осыплется, как прежде,
Но в небесах, где светят журавли,
Твоя строка, исполненной надежды,
Летит над водами родимой нам земли.*

Аркадий Кузнецов

Стихотворение написано Аркадием Кузнецовым – автором подборки «Сто поэтов Восточной Азии».

55

Лезгины

Сулейман Стальский. Народный поэт Дагестана, «Гомер XX века», уникальное явление в летописи устного поэтического творчества, поэт-крестьянин, поэт из народа. Он поднялся на уровень величайших мастеров поэтического слова.

Его несравненный дар, богатые по своей художественной форме стихи и поэмы, неординарный и высоко поэтический талант, достойно оценил великий пролетарский поэт Максим Горький, назвав его на Первом Всесоюзном Съезде писателей Гомером XX века.

О жизни Сулеймана Стальского писал в своё время Николай Тихонов: **«Так много видел этот человек того, что должно было сломить его, но он не только не сломился, а поднялся над всеми бедствиями своей жизни».**

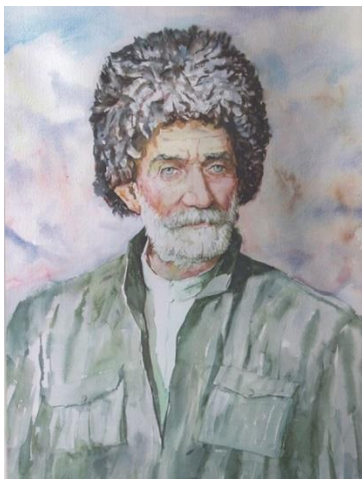
Сулейман Стальский не умел ни читать, ни писать. Он лишь на 64 году жизни научился выводить своё имя. Вместе с тем, никто не мог назвать его безграмотным. Стальский мог запомнить и дословно пересказать объёмные произведения.

Борис Пастернак справедливо считает, что: **«... помимо сложенных Сулейманом творений и сама жизнь народного барда есть памятник письменности потому, что сам автор становится книгой для записей последующих поколений».** Так Сулейман стал легендой, летописью эпохи.

Действительно, Сулейман Стальский, работавший без карандаша, без пера, на память, умел кратко, красочным и скупым языком передать важные и серьезные мысли в почти афористической форме. Что стоит его афоризм **«Язык – не нога. Споткнешься языком – не всегда встанешь».**

Обладая феноменальной памятью, Сулейман Стальский запоминал наизусть стихотворения, сочиненные им десятки лет назад. Сын (Мусаиб) вспоминал: **«Когда мне поручили записать произведения поэта, он легко продиктовал пять тысяч своих стихов».**

Он очень высоко отзывался о Пушкине и написал стихотворение глубокого смысла по поводу его смерти. Вот некоторые выдержки:

*От вечных северных снегов
До южных стран о нем узнали.
О страшен был царям поэт.
И вот убийц к нему прислали.*

*Великий Пушкин! Гений твой
Мы чтим сегодня всей страной.
Ты в дом вошел к нам как родной,
И мы в тебе друга признали.*

Поэт подчёркивает, что Пушкин был дорог людям за «мудрый труд» и «мысли, что как звёздный круг в полночной тьме тех лет сверкали».

56

Гениальность, редкий склад ума, ясная мудрость сделали Сулеймана Стальского выдающимся, талантливым, уникальным поэтом, олицетворившим целую эпоху. «Я ненавижу пустоту в стихах, – говорил Стальский, – певец должен передавать своему народу лучшее, что есть в нем самом, лучшее, что есть в самых лучших людях». Какое великое понимание назначения поэта! Поэтому поэт в первом же своем широкоизвестном стихотворении «Соловей» (публикуем отрывок) показал миру, что у него другой, песенный путь на земле:

*На яблоне, в листве густой,
Поет бессменный соловей,
Как чист, как нежный голос твой,
О вдохновенный соловей!*

*Поешь от мира отрешась,
Беспечен, счастлив ты сейчас.
Ах, дела нет тебе до нас,
Благословенный соловей!*

Ты презирать людей готов,

*Звения в саду на сто ладов.
Но, трус, бежишь от холодов.
Стыдись надменный соловей!*

*Постой, куда ты? Страхи брось!
Поведай, как тебе жилось.
Быть может, голодать пришлось?
Будь откровенным, соловей...*

За свои поистине жемчужные строки он завоевал славу во всем Советском Союзе и во многих странах ближнего и дальнего зарубежья. **«Эпиграф дагестанской литературы»** – так назвал Расул Гамзатов народного поэта Дагестана Сулеймана Стальского.

Сейчас можно смело сказать, что творчество поэта значительно расширило словарь лезгинского языка, некоторые строки из его произведений часто становились крылатыми фразами. Например, такие: **«От глупости лекарства нет»; «Труд есть начало всех начал»; «Глупец о многом говорит, приняв ученый, важный вид».**

57

*Не с каждым думами делись,
Когда заботы родились:
Дурные люди развелись,
Бедняк им доверять не может.*

Прожив нагую, почти нищенскую жизнь, Сулейман как никто другой понимал страдания, недостатки в быту своего жившего впроголодь многострадального народа. В своих сатирических стихах он яростно осуждал и высмеивал кулаков, ханов, чиновников, беков, всяких перерожденцев, которые нещадно и бессовестно жили за счет обездоленных и угнетенных людей, выступал против тирании и несправедливости. За свои обличительные стихи не раз подвергался угрозам и гонениям со стороны местных буржуазий.

Незабвенный Расул Гамзатович на одном из мероприятий, предлагая назвать 18 мая (День рождения Сулеймана Стальского) днем дагестанской поэзии, обратился к залу со словами: **«Покажите мне второго человека, который прославил Дагестан на весь мир, как Сулейман Стальский. Из зала прозвучала реплика:**

– А вы что, Расул Гамзатович, разве не прославили Дагестан?

– Я родился в прославленном Сулейманом Дагестане, – ответил Расул».

Сулейман Стальский – поэт дружбы, добра и единства дагестанских народов. Простым и понятным языком он доносит до читателя мысль о том, что Родина – это святыня, которую необходимо беречь и защищать.

Кто нашей дружбе сердцем рад, –
Тот наш соратник, тот наш брат.
Единства сила есть у нас,
Есть гордость – армия у нас.

Высокую оценку творчеству С. Стальского дал выдающийся советский писатель, лауреат Нобелевской премии М. Шолохов: **«Сулейман Стальский принадлежал к тому разряду истинно народных поэтов, которые были возвращены своим народом, но широкое признание получили только при советской власти. Думы родного народа, его радости и горести, подслушанные поэтом, обретали певучую, пленительную в своей непосредственности и свежести форму песен-стихов и, обогащенные талантом певца, снова шли в народную гущу, чтобы жить, не умирая».**

Сулейману Стальскому

Обширные земли ногойской степи
Вольны соловьями, поющими гласно
Ашугские песни, которым звучать
Дозволенно в будущем – единогласно!
Внимает народ им сегодняшних дней.
Поет эти песни и в счастье, и в горе.
А ноты звучат соловьиных рулад
По всей моей родине в ярком мажоре.
И ты, Сулейман, тоже наш соловей,
Ты дорог и близок нам музами века.
Поем мы и слушаем песни твои
Чрез десятилетия, сын Гасанбека.
Ты наш соловей, и великий певец.
Тобою горды мы, поэт Лезгистана!
Мы память в веках сохраним о тебе –
Ногойские земли, народ Гулистана!
Поют и сегодня в степи соловьи.
И ты среди них – благозвучия мера.
Поэт Сулейман! – ты собрат степнякам,
В тебе мы признали певца и Гомера!

Насруллах Нури

«Если все герои – соколы, то поэт должен быть орлом: летай, раскрывай крылья пошире! И сейчас я говорю то же самое всем, кто спрашивает у меня о вдохновении. Летай! Это закон, которым начинается песня...», – в назидание говорил великий дагестанец.

Манси

Юван Шесталов. Первый профессиональный поэт манси. Сын коммуниста, председателя колхоза, внук шамана закончил два педагогических института: в Ленинграде и в Тюмени. Паспорт сначала получил на имя Иван, но в 20 лет поменял документы на своё родное – Юван.

*Югра мой край! Мой отчий дом,
Нет счастья мне в краю другом.
В Югре не стынет стоном кровь
В Югре играй, моя любовь.*

Этим стихотворением мансийский поэт показал лишь малую часть своей любви к югорской земле и своему народу. На деле же Юван Шесталов произвёл настоящую революцию, благодаря которой весь свет и узнал о том, кто такие манси. Юван Шесталов подчёркивал, что его миссия, как поэта, – открыть миру культуру маленького мансийского народа.

«Мы сохранили в своих культурах очень древние вещи. Недавно нас называли дикарями. Но нет, оказывается, мы сохранили загнанные в болота, в холодильники, древний язык и даже древние культуры. Что такие танцы, которые все уже не пляшут, а мы не переставали плясать. Это так плясали скифы», – говорил Юван Шесталов.

*У нас быстрота от резвых щук,
От них порыв и пыл.
Но наш осётр, наш добрый друг,
Нас к важности склонил.
В Нас нежность сосьвинских сельдей,
Напористость язя.
Живучесть с отроческих дней
У нас от карася.
Глаза тайменей молодых,*

Прекрасны как цветки.
 Мы детям подарили их,
 Сынам моей Тайги.
 Твоя коса как рыбий хвост,
 красавица моя!
 Твой бисер ярче зимних звезд
 Точь-в-точь как чешуя...

Стихи Ювана Шесталова самобытны, свежи, искренни и, что сегодня нечасто встретишь в поэзии, светлы и жизнеутверждающи. **«Это, безусловно, талантливый человек, – писал о Шесталове Михаил Светлов. – Он удивительно легко бывает необыкновенным в обыкновенном. Значит, он, безусловно, талантлив. Как вообще угадывается талант? Он может, я не могу. Значит, он – талант. Разве могу я так писать:**

Сосен мёрзлый звон над нами
 Слышится в тиши.
 Стынут в тёплой снежной яме
 Три живых души.
 Три души на белом свете:
 Мама, я и пёс.
 Нам уснуть в попутной яме
 Не даёт мороз...

Поэтический эпос Шесталова, его многочисленные поэмы тематически связаны с его прозой. Всё лучшее из созданного Шесталов в 1971 году объединил в книгу под названием «Языческая поэма». «Языческая поэма» – это центральное произведение мансийского поэта Ювана Николаевича Шесталова. На русском языке поэма была опубликована в 1971 году. Её оригинальное название на мансийском языке – «Нюлы эрыг», что буквально переводится как «Заклинательная песня».

Шесталов активно использует мифологию манси, вводя в текст таких персонажей, как Торум (глава пантеона богов), Мир Суснэ Хум (сын Торума, «за миром смотрящий мужчина»), Куль (брат и антипод Торума, покровитель подземного мира и царства мёртвых).

Особое место в поэме занимает образ Медведя. Шесталов художественно реконструирует комплекс обрядов и преданий, связанных с «медвежьим праздником» (у манси он называется «Тулыглап»). Поэт мастерски перевоплощается: сначала он говорит от лица охотника, а потом – от имени самой Медвежьей Головы, которая во время ритуала «восседаёт» на столе. И вот в этих монологах-думах Медвежья Голова наделена способностью мыслить и оценивать поступки людей.

Глаз мой видит, слышит ухо,
Как, насмешку затая,
Все зовут священным духом
Низведённого меня.
Кормят горькими кусками,
Бьют проклятьями-кнутами...

Мансийский поэт говорит об этом так: **«Медвежий праздник – это совсем не праздник медведя, не религиозный праздник, как утверждают некоторые, а праздник охотников: жаркая баня, состязание в остроумии, крылатая пляска, нежная песня, волшебная музыка».**

В «Языческой поэме» звучит прямой призыв беречь красоту природы: **«лелеять Медведя – Духа Лесного», охранять реки, озёра, каждую травинку, «завещанную отцами».** Поэт одушевляет природу – деревья, животные, птицы у него живут, чувствуют, поют. Стихотворение «Песня последнего лебедя» (публикуем отрывок) – призыв к сохранению природы. Лебедь у поэта не только белая птица, но и старинный музыкальный инструмент – нежногоголосый лебедь:

Почернеет небо без белых лебедей,
Почернеют ночи без белых лебедей,
Под зеленой травой
Простучит черная пустошь,
Не топчите травы –
Я совью из них гнездо
И белой ночью
Высижу для вас белых лебедей...
А утром,
Впервые увидев солнце,
Они рассыплют смех,
Вылепят лепет
И, как след, оставят
Старинный, последний, лебединый клич...

Лирический герой Шесталова в родном краю способен видеть и белых машущих крыльями лебедей, и то, как берёзка примеряет серёжки, и то, как «юные травы... Землю проклюнули», и самое главное, что в этом вечно обновляющемся краю он чувствует себя тоже новорожденным.

*В блеске росы,
В колыбели зелёной,
Вместе с землёй пробудившийся
Я...*

Поиски поэта обращены не только к тайнам земли и народа манси, тайнам мансийских легенд и тайнам слова и творчества, но и к тайнам тех, кто ему близок и дорог, тайнам близкого, любимого человека. Вот и возникает в Песне третьей «Языческой поэмы» лиричное:

*Мы слышим сердцами,
мы слышим друг друга,
колёса стучат нам:
раз-лука,
раз-лука!..
Два озера синих,
два нежных, случайных,
сейчас унесут
от меня
свою тайну.
Играют они
голубою волною,
озёра, полны вы
девичьей тоскою...*

Единение с природой, умение её слушать и слышать, традиционно для поэта. Такая особенность наблюдается в поисках поэтом тайны слова и владения словом художественным, тайны своего народа и его неповторимого легендарно мифологического сознания. И поэту удалось разгадать эту главную для него тайну, тайну собственного творческого «я»:

*... Я – птенец в гнезде, я – колос.
Я – во всём...
Вы узнаете
Своего поэта голос?
Я – река, я – звон ручья,
Я – дыхание хлеба.
Я – Человек – венец творенья.
Я – моё стихотворенье.*

Юван Шесталов – ровесник мансийской письменности, популярный мансийский стихотворец и прозаик, но все-таки больше – стихотворец. Он открыл широкому читательскому миру поэзию мансийского края, передал дух народа, его волшебное ощущение жизни и бытия.

В его главной прозе, включая повесть «Тайна Сорни-най», миф о Золотой Бабе переосмысливается не как поиск сокровищ, а как поиск чистоты, доброты и бережного отношения к миру. По определению одного из венгерских исследователей, Юван Шесталов ворвался в литературу, как комета.

Юван-богатырь

Посвящается памяти Ювана Шесталова

*Чудо-богатырь, ты снарядился в путь.
Всемогущий наш, в вечности пребудь.
Вспять уже не надо, за тобой черта,
Вспять ни взгляда, дорога заперта.
Песни и дела – на земле оставил,
Лучшими стихами ты людей прославил,
Ты вдохнул в них радость, не жалея сил,
Чтоб народ наш гордо крылья распустил.
Ты с землёй проститься рано захотел,
К Торуму, в ту сторону поутру взлетел.
Ветры твоих песен в воздухе всегда,
Твоей жизни пламя не зальёт вода.
Юван-богатырь, тебя ль позабыть?
Тебя ли, Юван-богатырь, разлюбить?
«В нём первобытны мощь и дух земли,
Как родники, стихи его взошли.
Такой небесной мудростью весь озарён,
Таким умом высоким одарён».
Чудо-богатырь, ты вдаль уйти готов,
Как настоящий манси – не тратя слов.
Отыр, зовём тебя, со славой подружись,
Отыр, герой, твоя не меркнет жизнь.*

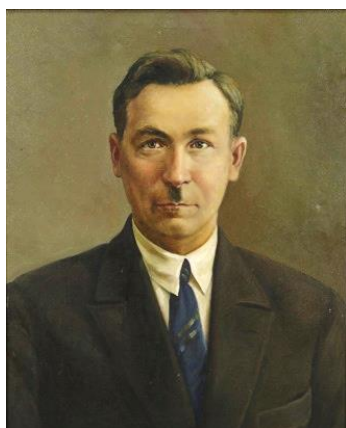
Светлана Динисламова

Марийцы

Сергей Чавайн. Марийский поэт, переводчик и драматург, редактор, журналист, педагог. Его часто называют основоположником марийской художественной литературы. Чавайн – это литературный псевдоним первого марийского писателя Сергея Григорьевича Григорьева, что означало «принадлежащий к роду марийского богатыря».

Произведения Чавайна переведены на языки народов России. Лучшие его произведения – роман «Элнет», драмы «Пасека», «Акпатыр» и многие другие составляют золотой фонд марийской литературы.

Как истинный мариец Сергей Чавайн был певцом природы. Именно он заложил традиции марийской пейзажной лирики. Самое первое стихотворение на марийском языке «Роща» («Ото») принадлежит перу Сергея Чавайна. Написанное в 1905 году, оно до сих пор остается в числе лучших произведений марийской поэзии.

*В краю моём есть роща тихая одна,
Стоит над озером, вся в нём отражена.
Её деревья стройные раскидисты, густы.
Здесь самые прекрасные рождаются плоды,
Здесь в глубине поёт весёлый соловей,
Сбегают в озеро по камушкам ручей,
Здесь самая зелёная трава,
Цветы милы и шёлкова листва.
Люблю её простую красоту.
И проклиная всех, кто губит рощу ту!*

Самый удачный из существующих переводов стихотворения «Ото» на русский язык, максимально близкий к марийскому оригиналу по тональности, сделан А. Спиридоновым, автором марийского национального эпоса «Югорно».

«Ото» С. Чавайна – это пространство марийской духовной традиции. Человек как культурное существо противостоит миру природы. Граница между этими двумя мирами проходит внутри человеческой деятельности. Автор намекает на вечную тему противостояния в человеке добра и зла, на вопросы необходимости познания человеком тайн природы. Молодой поэт, творец с новым взглядом в новой зарождающейся стране жаждет добра, с азартом проклиная «рубящего рощу» злодея.

Чавайн не просто использовал народные образы, сравнения и мотивы в своих текстах, но и сам создавал произведения по их подобию. Автор любил свой народ сыновней любовью. Называл его богатырским. В романе «Элнет» с привязкой к главной героине Чачи приводится самая полная архаичная версия сказки «Нёнчык патыр» («Богатырь из теста»).

Все герои романа «Элнет» пронизаны именно таким пониманием природы. Уже с первых строк романа, знакомясь с охотником Сакаром, читатель оказывается в волшебном зимнем лесу:

Съезжая по некрутому склону в низинку, Сакар задел лыжей ильмовый куст. Упругий высокий прут хлестнул вершиной нависшую над ним еловую ветку, и на Сакара посыпался мягкий, пушистый снег. Он попал за воротник, запорошил разгоряченное лицо и сразу растаял, превратившись в прохладные, словно утренняя роса, капли. Сакар отер рукавом мокрые лоб и щеки, поднял голову и увидел, как сквозь густые ветви ели струятся чешуйки, похожие на маленькие коричневые листья. Он ухватился правой рукой за подвернувшийся на пути клен, описал около него полукруг и остановился, поставив лыжи поперек склона. Сакар снял с плеча ружье, а его острый охотничий взгляд побежал вверх по направлению падающих чешуек. Почти на самой верхушке, закрывшись пушистым дымчатым хвостом и подняв торчком уши с черными кончиками, сидела белка и шелушила шишку, зажав ее в передних лапах.

Православный миссионер Сергей Нурминский писал: *«Лес – это волшебный мир черемисина. Около лесу вертится всё его мировоззрение. Весь сказочный мир черемис вертится около леса и его обитателей, все загадки и поговорки около его же...».*

65

Песенные тексты романа, непосредственно заимствованные из фольклора или переработанные автором, а также созданные самим Чавайном по подобию содержания и стилистики народнопоэтических произведений, придают художественному повествованию романтическую возвышенность, поэтичность, драматизм и национальную специфику, усиливают авторскую концепцию мира и характера персонажа. Песни помогают раскрыть традиционный уклад жизни мари, их связь с природой, их идеалы и нравственные ценности.

Особенно тесно с фольклором связан образ девушки Чачи – вокруг него особенно много песен. Через песни автор передает и драматизм, и романтическую возвышенность, и национальный колорит. О преобразованиях в природе, а по сути, о своих новых чувствах поет и Чачи, любящая Сакара и переживающая за их возможное счастье:

Что виднеется высоко-высоко?

Видна гора Элнет.

Что виднеется белое-белое?

Стоит белый мерин.

На белом мерине

Видно серебряное седло.

На серебряном седле

*Не горит серебряная свеча,
Наше сердце горит.*

Через обращение к прошлому Чавайн стремился пробудить у современников интерес к истории своего народа, осознать его путь и сохранить память о героях. Чавайн творчески перерабатывал легенды и предания, создавая образы богатырей (Чоткар, Чавай, Мустай, Коркан).

В мифологическом Чоткаре писатель видел воодушевляющий пример: его завещание – жить дружно, поддерживая друг друга – напрямую связано с патриотическим посылом. Марийский писатель Ким Васин писал: **«Кто своё огненное сердце отдаёт родному народу, тот по-настоящему – Герой!»**.

Эта метафора относится не только к героям произведений Чавайна, но и к нему самому. Еще в 1910 г. молодой поэт Сергей Чавайн написал стихотворение «Молан мые шочынам?» («Зачем я рожден?»). Гореть, не угасая, во имя народа:

Высоко над миром реет
Мысль моя, сильна, вольна,
Там, где небо лишь синеет,
Как орел, парит она.
Гордую пою я песню:

«Мне природа-мать дала
Для полета в поднебесье
Крылья мощные орла!»
Мир еще окутан тьмою,
Но неведом сердцу страх.
Ночь не властна надо мною:
Свет горит в моих глазах.
День ли, ночь ли – я сияю,
И народ весь удивлен:
Голос мой не умолкая
Раздается... Всюду он!
Есть во мне познания сила,
Все объемлет мысль моя –
Знаю я, что раньше было,
И что будет, знаю я.
Мрак ночной я разгоняю,

Для меня преграды нет,
 Я горю не угасая,
 Я несу народу свет.
 Высоко над миром реет
 Мысль моя, сильна, вольна,
 Там, где небо лишь синеет,
 Как орел, парит она.

«Творческий огонь в моём сердце зажегся не для моей личной славы, а ради моего народа, ради его просвещения. Горе народа было моим горем, его радости моими радостями. Никогда не думал я обособить себя от народа, от его судьбы. Всё доброе, хорошее в моём творчестве родилось из любви к марийским трудящимся, из желания помочь им скорее построить социализм», – говорил Чавайн.

Жизнь Сергея Чавайна оборвалась в 1937 году. В Марий Эл бережно хранят память об основателе марийской литературы.

Но, пожалуй, в настоящий культ возведено уважение к Сергею Чавайну именно в Национальной библиотеке Марий Эл, которая носит его громкое имя. Здесь установлен бюст Сергею Григорьевичу, возле которого проводятся различные общественные мероприятия. Причем так, как будто он – их участник. Чавайн тут, рядом.

«В истории каждой национальной литературы есть писатели, составившие целую эпоху культурной жизни родного народа и оставившие незабываемый след в его духовном развитии», – пишет в своём очерке народный писатель, заслуженный деятель науки Марийской АССР Ким Васин.

Сергею Чавайну

Мы с юных лет твои стихи читали,
 Чтоб силу слов познать и обрести,
 Мы все тебя так читали и так ждали,
 Что ты не мог к нам в бронзе не прийти...
 Мы верили в твои стихи живые,
 В поэзии народной чистоту.
 Бывали лихолетия в России,
 Но вновь страна шагала в высоту.
 И край родной расцвёл необычайно,
 Советской власти свет могуч, велик!
 И есть у нас в краю бульвар Чавайна,

*И есть твоё наследство – мудрость книг.
Ты мой земляк, моркинец знаменитый,
Впервые книги давший для мари,
Под небом на ветру сидишь, отлитый
Из звонкой бронзы, словно из зари.
Бурлит «марий памаш» – родник талантов,
Поток его всё шире, всё звучней,
Всё больше наше творчество крылато,
И узнаёшь ты в нас своих детей!*

Миклай Казаков

Мордва

Александр Шаронов (Шарононь Сандра). Доктор филологических наук, профессор, поэт, прозаик и философ. Международную славу он получил как создатель фундаментального эрзяно-мокшано-русского героического эпоса «Масторава», в котором на основе народных мифов и сказаний воссоздана история и космогония мордовского народа.

68

Он внёс значительный вклад в изучение эрзянского и мокшанского героического эпоса, мифологии, типологии книжных форм эпоса финно-угорских народов. Разработал теории эрзянской и мокшанской исторической песни, эрзяно-мокшано-русских фольклорных отношений, эрзяно-мокшанской героической мифологии и эпоса.

Дал сюжетную классификацию мифов, эпических и исторических песен, сформулировал понятия «героический миф», «героический эпос», «сюжет», «пространство» и «время» в мифологии и эпосе.

Героический эпос «Масторава» – центральное произведение. Шаронов работал над ним почти тридцать лет. Он синтезировал разрозненные мифы, эпические песни и сказания эрзи, мокши и русских в единый монументальный текст. В эпосе пять частей («Век Богов», «Древний век», «Век Тюшти», «Век врагов», «Новый век»), всего восемнадцать сказаний. Через образы богов (Инешкипаз – творец мира, Анге-Патяй – богиня-мать), героев (Кудадей – основатель племени, Нарчатка – воительница, Тёкшонь, Килява) и символические фигуры (например, Тюштян, оставивший народу «Медную трубу» как наказ беречь язык и традиции) автор воссоздаёт картину духовного и исторического пути народа.

Филолог М.В. Мосин писал: *«В жизни каждого народа наряду с заурядными событиями бывают явления торжества и праздники. Для эрзян таким событием стал выход в свет эпоса «Масторава», воссозданного доцентом кафедры русской и зарубежной литературы А.М. Шароновым... Можно однозначно сказать, что автор «Масторавы» успешно решил поставленные перед ним задачи. В «Мастораве» мы находим и богатство содержания, и красоту формы, и изящество языка...».*

Слушайте, что говорит вам Тюштя.

Родились людьми вы Инешкая –

Ими век от века вы и будьте.

Свой язык вовек не забывайте.

Лишь своим умом всегда живите,

Лишь свои желанья исполняйте,

Лишь свои обычаи храните,

Лишь своих людей в царях имейте.

И тогда, я говорю, Эрзяне,

Будет Масторава жить на свете,

Доброе тогда наступит время.

Медная труба моя, как прежде,

Будет собирать тогда вас вместе

И давать моё благословенье.

Знайτε вы, я говорю, Эрзяне,

Знайτε вы, родимые, и верьте:

Столько времени вам жить на свете,

Сколько будет жить инязор Тюштя.

Вечно моё имя вспоминайте

И завет Тюштянский мой храните.

Как от века жили, так живите

С благословением моим, Эрзяне!

С благословением моим, народ мой!

Пазчангот тебе жить, Масторава!

Ключевой концепт поэзии А.М. Шаронова – Русь-Эрзяния. «Эрзяния» в творчестве Александра Марковича Шаронова – это не географическое понятие, а художественный образ, метафора малой родины и сакрального мира эрзянского народа. В стихах Эрзяния предстаёт как страна видений, распевов песен, поляна майских весен. Здесь живут персонажи эрзянской мифологии: Комлява (богиня веселья), Ведява (богиня рек) и другие. Автор подчёркивает неразрывную связь эрзянского народа с русским, называя их союз извечным.

Эрзяния (отрывок)

*Эрзяния – видений дивных сонм.
Эрзяния – распевы чудных песен.
Эрзяния – поэта светлый сон.
Эрзяния – поляна майских весен.
От Шокши до Саранска двести вёрст,
И я по ним один, резвясь, шагаю.
И хоть при солнце нет на небе звёзд,
Порою их рукой своей хватаю.
На огненных конях Пурьгинепаз
Над Ра и Мокшей вдохновенно скачет
И молниями жгучими из глаз
Испепеляет тьму, что нечисть прячет.
Как солнца дочь, сама Анге-Патяй,
Эрзянки светом и теплом исходят.
Цветёт в них каждой ландышевый май,
Поёт о красоте своей природа...*

Художественным приемом в стихотворениях Шаронова является привлечение мифологических персонажей. Это и мордовские боги, взаимодействующие с миром людей, и представляющие древнерусский языческий пантеон божества. К ним добавляются и сказочные фольклорные восточнославянские персонажи, герои древнерусского былинного эпоса:

*От слова «Ерзя» слово «Русь».
От слова *terens* слово «Меря».
В глазах у Мери синь и грусть,
В душе – в родного бога вера.
Великий Велес бог ее,
От бед и от врагов хранитель.
Ему подвластно в мире всё –*

*Богатство,
Мирный труд и битвы...*

В творчестве А.М. Шаронова не обходится без стихотворений, выражающих авторскую любовь к родному краю. И среди таких произведений имеют место не только произведения, написанные с большим этнографическим пафосом, но и стихи более личного плана, сентиментальные, пронизанные невосклицательным, «человеческим» патриотизмом. Тема малой родины, родного края – одна из продуктивных в национальных литературах народов Поволжья, Приуралья.

*Я никуда не уйду с тех мест,
Где был рожден, где вырос, где живу.
Всё в диво мне, когда гляжу окрест, –
Поля, луга, одетые в траву,
Леса, где сосны встали до небес,
И реки, что текут до самой Волги...
Всё бесконечно нравится мне здесь,
Ничто не стало скучным и убогим.
Здесь с каждым днем красивее земля.
Здесь с каждым днем синей и выше небо.
Здесь с каждым днем погожее и я,
Который никогда в раздоре с ними не был.
Ты мера всех красот, родимый край.
С тобой в разлуке на душе нет света.
Покроется туманом синий май,
Без красных зорь начнут всходить рассветы.
Войду я в речку Шокшу, окунусь
И, родниковой водой омытый,
Я словно заново рожусь
Красивый, молодой, душой и телом чистый.
Прошло – не сосчитаю! – сколько лет,
Как я с тобой, туземец твой, живу.
Ты для меня, мой край, весь Белый Свет,
Где боги к людям сходят наяву.*

**«В какую бы сторону от Шоки ни бросил я взгляд – на север, запад, юг, –
езде передо мной открываются эрзяно-русские просторы со сказочно
красивой природой». А. Шаронов**

В голубую метель с головой окунусь.

Я и русский, и эрзя, и мурома я;

Я и меря, и финн, иудей и варяг.

От семи матерей и отцов кровь моя...

И как созвучны эти слова строкам из стихотворений С.А. Есенина: **«Затерялась Русь в Мордве и Чуди...», а также «Край мой! Любимая Русь и Мордва!».**

Об А.М. Шаронове и «Мастораве» было сказано и написано немало. Его сравнивали с Гомером, автором «Илиады» и «Одиссеи», с Э. Лённротом, автором «Калевалы», и Ф. Крейцвальдом, составителем «Калевипозга».

Для одних его творчество – «сундук с драгоценностями», для других – «образец эрзянского художественного слова». Жизнь поэта – яркий пример служения России, Мордовии и в то же время – «типичная жизнь гения, сопряженная с трудностями и их преодолением».

Возможно, лучше всех осознавал масштаб личности мыслителя великий русский философ А.А. Гагаев:

«Мессианская роль А.М. Шаронова – “Масторава” – как окно в будущее для эрзянского народа. Его миссия – русский и эрзянский тип образования, науки, развитие эрзянской традиции в образовании. Целевая функция жизни – пробуждение в эрзянах и русских чувства свободы и преодоление в себе раба и холопа. Его судьба – судьба любого великого человека в России – горе от ума и основание традиции эрзянской свободной философии жизни. Его предназначение – быть совестью, воскрешающей Медную Трубу Тюштяна и поддерживающей ослабевающую идентичность и идентификацию эрзи в собственный этнос и русский народ».

72

Немцы

Иоганн Вольфганг фон Гёте. Поэт, писатель, драматург, биолог, физик, минералог, юрист, государственный деятель по праву считается и последним человеком эпохи Возрождения, и первым человеком эпохи Просвещения (именно с него начался просветительский роман в классической литературе).

«Творец великих вдохновений», – говорит о нем Василий Жуковский в своем стихотворении, посвященном встрече с немецким классиком. Действительно, Гете оказал огромное влияние не только на европейское интеллектуальное сообщество конца XVIII – начала XIX века, но и на последующие поколения.

Гете вместе с мыслителем Иоганном Готфридом Гердером положил начало литературному направлению «Буря и натиск». Последователи движения стремились в своих работах отказываться от классицизма и рационализма, который ставила во главу угла эпоха Просвещения, в пользу свободы мысли, эмоциональности, страстных и сентиментальных чувств, творческого осмысления жизни. **«Истинным**

счастьем для меня было мое поэтическое мышление и творчество», – позже вспоминал Гете.

В этот период он опубликовал драму «Гец фон Берлихинген», за которую его стали называть «немецким Шекспиром», роман «Годы учения Вильгельма Мейстера», стихотворную эпопею «Герман и Доротея». В это же время Гете начал работать над «Фаустом», отразив многие идеи «Бури и натиска» в трагедии, ставшей центральной в его творчестве.

Со старинной немецкой легендой о докторе Фаусте Гете познакомился благодаря народному творчеству. Для него это стало настоящим открытием, и история об ученом, заложившем свою душу дьяволу, с тех пор занимала его на протяжении всей жизни. Над «Фаустом» Гете работал 60 лет, завершив его лишь за несколько месяцев до смерти. По словам Бориса Пастернака, переводившего эту трагедию, вторая ее часть представляет собой **«огромную поэтико-философскую фреску, полную зашифрованных символических и мистических ассоциаций и непроясненных загадок, равной которой по сложности трудно найти в мировой литературе».**

Сам Гете говорил о Фаусте так: **«Это вещь сумасшедшая, она выходит за рамки привычного восприятия... Фауст такая необычная личность, что лишь немногие могут проникнуться его чувствами. Да и Мефистофеля не так-то просто раскусить, он насквозь пронизан иронией и в общем-то является живым воплощением определенного миропознания».**

Сегодня «Фауста» называют одной из вершин немецкой поэзии. Драма оказала значительное влияние на мировую культуру.

Нередко «Фауст» воспринимается как история о том, как главный герой, ученый, заключил сделку с нечистым духом. Однако из народной легенды с развлекательным сюжетом Иоганну Гёте удалось создать то, что Александр Пушкин назвал **«величайшим созданием поэтического духа».**

«Фауст» – не богословский трактат и не справочник по учению Церкви, и Гете вряд ли хочет подорвать основы веры. Он – поэт, и создает такую картину мира, которая позволила бы придать сюжету максимально высокий драматический накал. Писатель настоятельно предупреждает, что перед нами будет разворачиваться не подлинная жизнь, а поэтический вымысел.

Даром свыше Гёте считал поэзию: **«истинная поэзия возвещает о себе тем, что она, как мирское Евангелие, освобождает нас внутренней своей радостью и внешней прелестью от тяжкого земного бремени».**

Фауст подвергается испытанию как представитель всего человеческого рода. На нем и будет проверяться человечество.

*Две души живут во мне, и обе не в ладах друг с другом.
Одна, как страсть любви, пылка
И жадно льнет к земле всецело,
Другая вся за облака
Так и рванулась бы из тела.*

Это важное признание Фауста и вместе с тем объективная характеристика каждого человека. Он существо чувственное, но вместе с тем и духовное.

Договор между Фаустом и Мефистофелем у Гёте отличается от легенды о Фаусте, где речь шла о том, что Фауст отдает свою душу, а Мефистофель обязуется исполнять все его желания. Таким образом, Фаусту ничего не надо делать самому. Ему предоставляется возможность желать, а все необходимые действия для удовлетворения этих желаний совершает черт.

У Гёте Фауст не мог бы согласиться с таким порядком вещей. Не покоя и удовольствий желает герой. Фауст пришел к мысли, что, только окунувшись с головой в жизнь можно что-то узнать о ней. Он объясняет Мефистофелю:

*Не радостей я жду, – прошу тебя понять!
Я брошусь в вихрь мучительной отрады,
Влюблённой злобы, сладостной досады;
Мой дух, от жажды знания исцелён,
Откроется всем горестям отныне:
Что человечеству дано в его судьбине,
Всё испытать, изведать должен он!
Я обниму в своём духовном взоре
Всю высоту его, всю глубину;
Всё счастье человечества, всё горе –
Всё соберу я в грудь свою одну,
До широты его свой кругозор раздвину
И с ним в конце концов я разобьюсь и сгину!*

Знание, которого он добивается, нужно ему для того, чтобы помочь людям. И сейчас, когда он собирается ринуться в гущу жизни, то опять не ради своего счастья, а для того, чтобы испытать всю полноту человеческого бытия, все, что выпадает на долю разных людей. Он хочет прожить больше, чем обыкновенную человеческую жизнь. Смысл жизни, по Фаусту (и, конечно, по самому Гёте), – в стремлении человека осмыслить свое существование в мире. Человеческое существование – это факт, и все, что может и должен сделать человек, – это стремиться осмыслить его.

Переводчик «Фауста» на русский язык и крупный исследователь этого текста Николай Холодковский писал: **«Если на других планетах живут разумные существа, и**

если эти существа захотели бы ознакомиться в общих чертах с сущностью человеческого духа и человечества, с теми вопросами, которые его мучают и волнуют, то нельзя было бы посоветовать им ничего лучшего, как внимательно прочесть и продумать гётевского “Фауста”».

Как известно, Гете много путешествовал, любил природу и старался правдиво изобразить её в своих произведениях. Природа была для поэта вдохновляющей музой, богатым источником его поэтического вдохновения.

Особенно охотно Гете описывал природу весной. Этому времени года он посвятил много стихотворений: «Майская песня», «Ранняя весна», «Март», «Май», «Долгая весна» и др. Вот с каким восхищением поэт описал весну в стихотворении «Майская песня» (отрывок):

*Как всё ликует,
Поёт, звенит!
В цвету долина,
В огне зенит!
Трепещет каждый
На ветке лист,
Не молкнет в рощах
Весёлый свист.
Как эту радость
В груди вместить!*

Удивительную по живости образов картину весны Гёте нарисовал и в своём главном произведении «Фауст»:

*Растаял лёд, шумят потоки,
Луга зеленеют под лаской тепла,
Зима, размякнув на припеке,
В суровые горы подальше ушла.
Оттуда она крупую мелкой
Забрасывает зелены,
Но солнце всю её побелку
Смывает к середине дня.
Всё хочет цвести, росток и ветка,
Но на цветы весна скупа...*

Самое лучшее произведение мировой поэтической литературы считается знаменитое стихотворение Гёте «**Миньона**»:

*Ты знаешь край лимонных рощ в цвету
Где пурпур королька прильнул к листу,
Где негой Юга дышит небосклон
Где дремлет мирт, где лавр заморожен?
Ты там бывал?
Туда, туда,
Возлюбленный, нам скрыться б навсегда.*

*Ты с гор на облака у ног взглянул
Взбирается сквозь них с усилием мул
Драконы в глубине пещер шипят
Гремит обвал, и плещет водопад,
Ты там бывал?
Туда, туда,
Давай уйдём, отец мой, навсегда!*

76

Пейзажи Гёте согреты живым чувством. Пейзажи Гёте не просто изображают природу, а передают живое, глубокое чувство единения с ней, где человек и окружающий мир существуют в гармонии.

Мыслитель утверждал, что человек должен стремиться к гармонии с природой и познавать её законы. Он стремился к гармонии во всём: в музыке, живописи, зодчестве, поэзии, в мыслях и эмоциях.

Заканчиваем рассказ о великом немецком поэте, драматурге и романисте Гете стихами В. Жуковского «К Гете»:

*Творец великих вдохновений!
Я сохраню в душе моей
Очарование мгновений,
Столь счастливых в близи твоей!
Твое вечернее сиянье
Не о закате говорит!
Ты юноша среди созданья!
Твой гений, как творил, творит.*

*Я в сердце уношу надежду
Еще здесь встретиться с тобой:
Земле знакомую одежду*

Не скоро скинет гений твой.

*В далеком полуночном свете
Твоею музою я жил.*

*И для меня мой гений Гете
Животворитель жизни был!*

*Почто судьба мне запретила
Тебя узреть в моей весне?
Тогда душа бы воспалила
Свой пламень на твоём огне.*

*Тогда б вокруг меня создался
Иной, чудесно-пышный свет;
Тогда б и обо мне остался
В потомстве слух: он был поэт!*

77

Осетины

Коста Хетагуров. Основоположник осетинской литературы. Многие произведения поэта («Всати», «Песня бедняка», «Новогодняя песня», «Хетаг» и др.) основаны на фольклорных сюжетах.

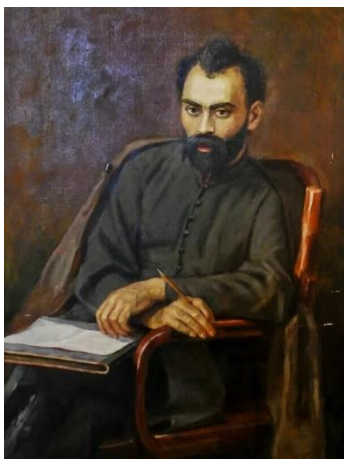
Лучшим признанием творчества поэта является обращение к нему просто по имени – Коста, а для совсем маленьких, коих в списке почитателей всегда было немало, – Готта. Потому что в характере корифея осетинской словесности ярко выражены не только национальные черты, но и чаяния народа, надежда, вера. К нему свободно мог обратиться за помощью любой горец, зная, что просьба не останется без внимания, даже если сам гол как сокол.

Именно таким представляется нам Коста, о котором Нафи Джусойты писал, что он впервые поднял осетинскую поэзию до уровня мировой, раскрыв её до такой степени, что она предстала во всём своём чарующем многообразии. Коста так говорил о себе: **«Я – осетин Коста Хетагуров, художник, поэт и народный певец».**

*Преданье я черпал из тысячей уст,
А памятник цел и поныне.*

Священная роща иль «Хетагов куст»

Стоит в Куртатинской долине, – писал Коста в начатой им на русском языке поэме «Хетаг».

Коста писал и на осетинском, и на русском. Его произведения признаны образцом блестящего билингвизма.

Если современный русский язык берет свое начало со времен Пушкина, то осетинский – со времен Коста. Его знаменитый сборник стихов «Осетинская лира» стал настольной книгой для многих поколений.

Его творческое наследие, объединившее мотивы осетинского фольклора и русской классической поэзии, глубоко интернационально и гуманистично.

Поэма «Фатима» и стихи до сих пор поражают своей глубиной и пронзительностью:

*Ах, с каким безграничным восторгом, дитя,
На руках из мишурного света
Я унес бы далеко, далеко тебя
И любил бы любовью поэта...
Детский слух услаждал бы я лирой своей,
И под звуки ее безмятежно
Засыпала б ты сладко на груди моей,
А я пел бы, баюкал бы нежно...
Много, много сложил бы я песен тогда
На чарующем лоне природы
О восторгах любви, наслажденьях труда
И о светлом блаженстве свободы...*

Поэзия Коста Хетагурова очень самобытна – в ней удачно переплелись народные традиции, острая социальная мысль и тонкое художественное мастерство. Хетагуров глубоко опирался на осетинский народный эпос (например, сказания о нартах), песни, сказки. Он не просто заимствовал сюжеты, а творчески перерабатывал их, придавая новое, индивидуальное звучание. При этом он ещё и внёс практический вклад: считается основоположником осетинской фольклористики. Поэма «Плачущая скала» Коста Хетагурова – незаконченное произведение, в основу которого положена осетинская народная легенда. Хетагуров использует фольклорный сюжет, чтобы выдвинуть на первый план несколько важных тем:

Тема родины и борьбы за свободу. Угроза со стороны врага заставляет жителей аула строить боевую башню. В поэме звучит идея, созвучная нартскому эпосу: **«Лучше умереть народом Свободным, чем кровавым потом Рабами деспоту служить».**

Работа быстро закипела.
 На мшистых каменных плечах
 Утеса положили смело
 Подножье стен, – пусть знает враг,
 Какой незыблемой заставой
 Ему здесь загородят путь,
 С какой отчаянной отвагой
 Здесь каждый грудью встретит грудь,
 Как страха, жалости не зная,
 Здесь все решились, как один,
 Погибнуть, кровью истекая,
 Как честь страны, свободу края
 Ценить умеет осетин!

Размышления о жестокости и произволе. Хетагуров показывает, как слепая вера в прорицания и следование традициям могут привести к трагедии, когда невинный ребёнок становится жертвой.

В былые времена Кавказу
 Не трудно было знать секрет
 Страны, где все права народа –
 Покорность, труд, нужда и стон,
 Где все, что создает свобода
 Карал безжалостно закон.

Горячий патриот родного края, истинный сын своего народа, Коста был пламенным пропагандистом интернационального братства народов. Он не переставал клеймить позором тех, кто сеял вражду между народами, кто в пресловутом лозунге «разделяй и властвуй» пытался найти свой покой. Много ли было в ту мрачную эпоху творческих и общественных деятелей, которые могли бы провозгласить:

Весь мир – мой храм, любовь – моя святыня,
 Вселенная – отечество мое...
 Люблю я целый мир, люблю людей, бесспорно,
 Люблю беспомощных, обиженных сирот,
 Но больше всех люблю, чего скрывать позорно? –
 Тебя, родной аул, и бедный наш народ.

О Коста Хетагурове сказано много. Масштаб его таланта четко сформулировал Александр Фадеев, назвав его Леонардо да Винчи осетинского народа.

Основоположник осетинской советской поэзии Мисост Камбердиев прожил всего 22 года, но оставил после себя бессмертное наследие. Стихи, посвященные памяти Коста Хетагурова, написаны им в 19 лет:

*Холодный век отчизну
Зажал в объятья скал.
И ты в мятежной жизни
Покоя не искал.*

*Когда взметнулись бури,
Ты родине принес
Печальную бандуру
Невыплаканных слез.
Поэт и храбрый витязь,
Ты звал к борьбе людей,
И бравые джигиты
Седлали лошадей.*

*А ветер выл шакалом,
И жуток вой тот был,
Но песни разжигали
И мужество и пыл.*

*Горящая стихия
Поэта сбила с ног,
Но все ж несу стихи я
К могиле, как венок.*

*В могильные покои
Прими ты дань мою.
Неспетое тобою,
Быть может, я спою.*

Русские

Александр Пушкин. Лучшее представление о поэте, на наш взгляд, в словах Анны Ахматовой: **«Он победил и время, и пространство».**

Много лет писатель и литературовед Викентий Вересаев делал выписки из различных первоисточников, касающиеся поэта Александра Пушкина: его характера, настроений, привычек, наружности и пр.

Так возникла идея книги **«Пушкин в жизни»**, в ней поэт предстает во всех противоречиях своего сложного характера, во всех мелочах тогдашнего быта, невыразимо привлекательный и чарующий человек – живой человек! Приведем некоторые факты из этой книги.

Пушкин гордился тем, что он москвич

«Пушкин и Дельвиг всегда гордились тем преимуществом, что родились в Москве, утверждая, что тот из русских, кто не родился в Москве, не может быть судьей ни по части хорошего выговора на русском языке, ни по части выбора истинно русских выражений». П.А. Плетнев – Я.К. Гроту

*На тихих берегах Москвы
Церквей, венчанные крестами,
Сияют ветхие главы
Над монастырскими стенами.
Кругом простерлись по холмам
Вовек не рубленные рощи,
Издавна почивают там
Угодника святые мощи.*

В этом стихотворении Пушкин создаёт образ древней Москвы, где величие исторических памятников неразрывно связано с духовной жизнью народа.

Пушкин даже во сне видел стихи

«Стихи ему грезились даже во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их впотьмах». М.В. Юзефович

Мотив сна присутствует в стихотворении Пушкина «Сон (Отрывок)». В нём сон представлен как «бесценный дар Морфея», который позволяет человеку освободиться от суеты и страстей, найти покой и уединение.

*Душевных мук волшебный исцелитель,
Мой друг Морфей, мой давний утешитель!
Тебе всегда я жертвовать любил,
И ты жреца давно благословил.
Забуду ли то время золотое,*

Забуду ли блаженный неги час,
Когда, в углу под вечер притаясь,
Я призывал и ждал тебя в покое...
Я сам не рад болтливости своей,
Но детских лет люблю воспоминанье.
Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шёпотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь, бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец
И длинный рот, где зуба два стучало, –
Всё в душу страх невольный поселяло.
Я трепетал – и тихо наконец
Томленье сна на очи упало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...

Любимый напиток Пушкина

«Пушкин любил чай и пил его помногу». В.А. Нащокина

Смеркалось; на столе, блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился легкий пар.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчик подавал...

Пушкин всю жизнь занимался самообразованием

«Друзья Пушкина единогласно свидетельствуют, что никто так не трудился над дальнейшим своим образованием, как Пушкин. Он сам с упреком говорил о современных ему литераторах: «Мало у нас писателей, которые бы учились; большая часть только разучиваются». П.В. Анненков

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, Бог изобретатель...
Внушил поэту сделать стих
Для тех, кто знание постиг,
И передав его прилежно,
Взирает на птенцов своих...

Пушкин был фанат путешествий

«Путешествие нужно мне нравственно и физически». Пушкин – Нащокину

Всю жизнь трудясь над рукописями, он, несмотря на привязанность к своей библиотеке, всегда был легок на подъем. Пушкин признавался: **«С детских лет путешествия были моею любимой мечтою».**

Он жил в век долгих и не слишком скоростных путешествий и стал настоящим путешественником – вполне в духе времени. Биографы подсчитали, что Пушкин за свою недолгую жизнь проскакал и протрясся по России более 34-х тысяч верст. Это больше 36 000 километров. По русским хлябям он почти преодолел экватор Земли...

Пушкин лучше многих знал, что такое русское бездорожье. И мечтал, что наступит время, когда:

*... Дороги, верно,
У нас изменятся безмерно.
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды.*

Путешествия помогли Пушкину точнее рассказывать и об истории Пугачева, и о характере русского крестьянина или кавказского джигита. Он имел право сказать Гоголю: **«Боже, как грустна наша Россия».**

Пушкин любил Россию. Это видно по всем его творениям. По тому, как виртуозно он писал на русском языке, в то время как весь его круг говорил исключительно по-французски. По тому, какие стихи он писал, как реагировал на бурные политические события начала 19 века. В стихотворении «Клеветникам России» Пушкин так же, как и Бисмарк, предостерегает всех жаждущих завоевать Россию, чтобы не трогали русских, иначе любому агрессору найдется « место... в полях России»

84

*Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайльский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.*

Пушкин любил устное народное творчество, сказки, песни, которыми восхищался и наслаждался:

*Пой: в часы дорожной скуки,
На дороге, в тьме ночной
Сладки мне родные звуки
Звонкой песни удалой.*

Так же восторженно отзывался Пушкин о русских сказках: **«Какая прелесть эти сказки! Каждая есть поэма».**

Пушкин и сегодня всем своим творчеством сражается на стороне добра, и это вселяет уверенность, что зло не пройдет, победа будет за теми, кто отчизне посвящает «души прекрасные порывы».

«Полтора века назад Бог даровал России великое счастье. Но не дано было ей сохранить это счастье. В некий страшный срок пресеклась, при её попустительстве, драгоценная жизнь Того, Кто воплотил в себе её высшие совершенства. А что случилось с ней самой, Россией Пушкина, – опять-таки при её попустительстве, ведомо всему миру. И потому были бы мы лжецами, лицемерами – и более того: были бы недостойны произносить в эти дни Его бессмертное имя, если бы не было в наших сердцах и великой скорби о нашей общей с Ним родине... Не поколеблено одно: наша твердая вера, что Россия, породившая Пушкина, все же не может погибнуть, измениться в вечных основах своих и что воистину не одолеют её до конца силы Адовы». Иван Бунин

И снова на святую победу вдохновляют нас наши великие предки, в том числе и Александр Сергеевич Пушкин.

85

Если выстоять нужно, как в окопе – в судьбе:

«У России есть Пушкин!» – говорю я себе.

Коль подтаяли силы – не ропщу, не корю:

«Пушкин есть у России!» – как молитву творю.

Есть и правда, и сила на российской земле,

Коль такие светила загорались во мгле!

Глеб Горбовский

Таджики

Мирзо Турсун-заде. Народный поэт Таджикистана. Его творчество отличалось глубоким пониманием человеческой души, в стихах звучали темы родины, любви, дружбы, справедливости и мира. Турсун-заде был певцом мира и дружбы между народами.

Николай Тихонов, выдающийся русский поэт и близкий друг Мирзо Турсун-заде, неоднократно бывавший в Таджикистане и сопровождавший поэта в зарубежных поездках, отзывался о нём с особым теплом:

«Поэзия Мирзо Турсун-заде, словно мифическая птица, летящая над высокими вершинами и широкими реками, пленяла умы и сердца современников своей подлинностью, искренностью и прекрасным поэтическим стилем».

О высоком назначении поэзии, о поэтическом горении, да и о том, каким Турсун-заде видел поэта, он написал в стихотворении «Поэту» (отрывок):

*Гори, поэт, – из теплоты горенья
Бери, поэт, свои стихотворенья.*

*Ты видишь сталь? Она прошла сквозь пламя.
Ты видишь даль? Она горит, как знамя. <...>*

*Гори, поэт, и, пламенем зажженный,
Твори, поэт, грядущего законы!*

*Любовь, и стих, и сталь – одной породы:
Им нужен, чтобы жить, огонь свободы.*

*Пусть сердце у тебя пылает печью, –
Тогда согреешь душу человечью...*

86

Мирзо Турсун-заде принадлежит большая заслуга в изучении таджикского фольклора. При его участии были изданы первые сборники устного народного творчества. Стихотворения поэта близки к народным песням и рубайи, благодаря чему они легко ложились на музыку. Стихотворение «Мой век» (отрывок) также было положено на музыку:

*Я на тебя не жалуюсь, мой век,
Ты – мой наставник и моя основа.
Ты – плодоносный сад, я – твой побег,
Ты – песнь земли, я в этой песне – слово.
Ты чудотворец истинный, мой век, –
Ты сделал чудным каждое мгновенье.*

В суровые годы Великой Отечественной войны голос Мирзо Турсун-заде зазвучал с особой патриотической силой. Его стихотворения «Никогда!», «Памяти капитана Гастелло» и знаменитая поэма «Сын Родины» стали духовным оружием. Созданный им образ воина Кадыра, сражающегося плечом к плечу с украинцем Миколой, стал символом нерушимой дружбы народов и подвига всех сынов таджикской земли, проливших кровь за освобождение человечества от фашизма.

*Зовет взять клинок и скатать на врагов,
Ждет этого Родина-мать от сынов.
И ради победы готов я опять
За Родину жизнь, не жалея, отдать!...*

Тема братства народов, борьбы за мир и счастье в Азии и во всем мире стала лейтмотивом не только его поэзии, но и масштабной общественной деятельности. Как активный участник движения сторонников мира, академик Турсун-заде посетил десятки стран, неизменно выступая защитником гуманистических ценностей. Сегодня его наследие остаётся для наших студентов тем живым источником, из которого они черпают понимание истинного патриотизма и высокой речевой культуры.

Новый этап в развитии гражданской лирики Турсун-заде открывает его поездка в Индию в 1947 году. Впечатления от этого путешествия легли в основу цикла «Индийская баллада», куда вошли такие произведения, как «Ганг», «Западный гость», «Поднимается в памяти».

Восхищаясь душой великого индийского народа, запечатлённой в искусстве, поэт посвящает восторженные строки танцовщице Тара-Чандри:

*Когда ты пляски вихрь завьёшь,
Ты поднимаешь аромат,
Как будто бы дыханьем роз
Твоей отчизны веет сад.*

Международная тема получила продолжение в циклах «Возвращение», «Тадж-Махал» и пакистанском цикле «Я с Востока свободного». Поэт выражал глубокое уважение к трудящимся Востока, ведущим борьбу за независимость. Вершиной этой темы стала поэма «Голос Азии» (1956), где перед читателем встаёт величественный образ пробуждающегося народа:

*К вам доносится Азии голос, –
Это мы говорим, азиаты,
Это рокот волны океанской,
Это вольности нашей раскаты.
Это Азия наша проснулась,
Чтоб за счастье народное биться.
Это сердце её встрепенулось,
Как свободу познавшая птица.*

Великий индийский писатель Мулк Радж Ананд, глубоко тронутый творчеством таджикского поэта, писал: **«Я хотел бы написать произведение о Советском Союзе, подобное рассказу таджикского поэта Мирзо Турсун-заде об Индии».**

Высокое понимание гражданского долга советского поэта раскрывается в лирической поэме «Дорогая моя» где голос таджикского поэта становится голосом эпохи:

*Хоть и странники мы, – не изгнанники мы.
Счастья, мира и дружбы
Посланники мы.*

*Нашей Родины мы исполняем наказ
Отправляет народ в путешествие нас!
Нет, не счастья мы ищем,
Мы счастье творим,
Чтобы легче и чище дышалось другим.
Только дружбу мы ищем, – мы дружбу несем,
Чтоб цвела она в каждом жилище людском.*

О вкладе Мирзо Турсун-заде в дело укрепления мира и дружбы между народами с уважением и теплотой отзывались многие выдающиеся писатели и поэты своего времени. Анатолий Сафронов, один из крупнейших русских писателей советского времени, подчеркивал не только литературное, но и человеческое величие Турсун-заде:

«Этот человек был подлинной и великой личностью, чей врожденный поэтический талант поражал всех. Он безмерно любил свою Родину, глубоко понимал истинную ценность и суть дружбы между народами».

Такое признание говорит о редком сочетании духовной силы и творческого дара.

Чарх-и-фоллак*

Памяти Мирзо Турсун-заде

*В той стране, где старики и дети
На молочно-розовом рассвете
В молоко обмакивают хлеб,
Где на крышах облетают маки,
Пишет ветер огненные знаки,
Шелестя страницами судеб...
Вот – поэта бранные останки,
И цветы поникли головой,
Чтоб несло отчаяние чанги
Согдианы погребальный вой.
Навсегда, навеки, да, навеки
Эти веки скроет глины ком...
А кругом кипят людские реки,
И к мазару гроб несут бегом.
Гром, подобный бегу иноходцев,
Дробный топот льется тяжело.*

*Над страной растоптанных колодцев
Меркнет неба красное крыло.
Здесь могилу всенародно вырыв,
Изумляясь жизненному сну,
Быстро, быстро прячут от кафиров
Савана тугую белизну.
Но куда влюбленным торопиться?
Вьется песни огненная птица,
И подросток, позабывший стыд,
Что-то шепчет и кому-то снится,
Белый жемчуг сыплет шелковица,
Девочка на дереве стоит.*

Михаил Синельников, русский поэт

*Чарх-и-фоллак – сегнерово колесо, водочерпалка (тадж.).

Татары

Габдулла Тукай. Выдающийся татарский поэт, классик татарской поэзии, публицист. Свободолюбивый, талантливый человек, проживший только 26 лет, он стал символом татарской культуры.

«Поэтический слог Тукая изящен и прост. Для каждого возраста у Тукая есть стихи, понятные любому человеку. Его творчество можно назвать энциклопедией общественной жизни начала XX века – настолько оно богато и масштабно, что по нему можно воссоздать общую историю народа того времени».

Рифа Харрасова, кандидат филологических наук

Тукай учился у русских поэтов, он хорошо знал русскую классику, много сил отдал переводам русской литературы на татарский язык: М.Ю. Лермонтова, А.Н. Майкова, И.С. Никитина, Л.Н. Толстого. Художественным авторитетом для него был А.С. Пушкин.

*Я наизусть твердить готов твои произведения,
Вкушать плоды твоих садов, влюбляться в их цветенье.
Идти повсюду за тобой – мой долг, мое стремленье,
А то, что веры ты другой, имеет ли значение?*

Из стихотворения «Пушкину»

Тукай – первый переводчик стихов Пушкина и Лермонтова на татарский язык и посвятил им, а также Льву Толстому одни из лучших своих стихотворений, а также газетные и журнальные статьи – в то время, когда в татарских школах почти не преподавался русский язык.

Тукай не просто пишет стихи – он создаёт новые жанры. Политическая поэзия, где каждая строка – вызов самодержавию. Художественная сатира, которая бичует взяточников, лицемеров и угнетателей. Революционная лирика, зовущая народ к пробуждению.

Он не просто поэт – он голос эпохи. И потому с особой яростью обрушивается на тех, кто, по его мнению, предаёт идеалы свободы. При жизни в русской прессе его не публиковали. Стихотворение «Разбитая надежда» появилось в «Оренбургской газете» в год смерти поэта. В начале 1920-х начали выходить русскоязычные сборники поэта. **«Тукай открыл новую страницу не только в татарской поэзии, но и в поэзии тюркских народов. Он указал путь, каким должна идти эта поэзия»,** – говорилось в одном из предисловий.

*Я теперь цвета предметов по-иному видеть стал,
Где ты, жизни половина? Юности цветок увял.*

Если я теперь на небо жизни горестной смотрю,
 Больше месяца не вижу, светит полная луна.
 И с каким бы я порывом ни водил пером теперь,
 Искры страсти не сверкают, и душа не зажжена.
 Саз мой нежный и печальный, слишком мало ты звучал.
 Гасну я, и ты стареешь... Как расстаться мне с тобой?
 В клетке мира было тесно птице сердца моего;
 Создал бог ее веселой, но мирской тщете чужой.
 Сколько я ни тосковал бы в рощах родины моей,
 Все деревья там увяли, жизни в них нельзя вдохнуть.
 И ее, мою подругу, холод смерти погубил,
 Ту, которая улыбкой освещала жизни путь:
 Мать моя лежит в могиле. О страдальца моя,
 Миру чуждому зачем ты человека родила?
 С той поры, как мы расстались, стража грозная любви
 Сына твоего от двери каждой яростно гнала.
 Всех сердец теплей и мягче надмогильный камень твой.
 Самой сладостной и горькой омочу его слезой.

Для Габдуллы Тукая неприемлем национализм в любых его проявлениях. Любовь к татарскому языку, своей истории и культуре не мешает ему уважать и любить культуру соседей.

Провозглашая великую идею дружбы народов в стихотворении «Великая истина», Тукай пишет:

Нам издавна другом был русский народ –
 И разве конец этой дружбе придет?
 Да, мы родились и растем в вышину,
 Нанизаны словно на нитку одну...

Основу творчества Тукая составляет лирика – искренняя, глубокая, полная светлой печали и неподдельного восхищения народной жизнью. В стихах вроде «Пар ат» («Двойная упряжка») или «И туган тел» («О, родной язык!») звучит торжественная, почти молитвенная интонация. Любовь к родному языку у Тукая не просто сентимент – это необходимость, условие самого существования личности и народа:

О, как хорош родной язык, отца и матери язык,
 Я в мире множество вещей через тебя навек постиг!
 Сперва на этом языке, качая зыбку, пела мать,

*А после – бабушка меня старалась сказкою унять.
Родной язык, ты мне помог понять и радость с малых лет,
И боль души, когда в глазах темнеет, меркнет ясный свет.
Ты мне, родной язык, изречь молитву первую помог:
«Прости меня, отца и мать, великодушен будь, мой бог!»*

Одна из важных тем поэзии Тукая – природа родного края, которая всегда возвышенна и прекрасна, исполнена внутренней радости и света. Настроение ее изменчиво и непостижимо:

*Величаво и спокойно разгорается заря,
А ленивый белый месяц грустно скрылся за поля.
Исчезают друг за другом звезды бледные с небес,
Задышал рассветный ветер, зашептал спросонья лес.*

«Летняя заря»

Одиннадцать стихотворений Тукая перевела Анна Ахматова. С тех пор он стал явлением не только татарской поэзии:

*Тьма сплошная. Я не вижу, где восход и где закат.
Я с врагом дружу, а друга, как врага, ударить рад.
Чтоб ко мне душа вернулась, освети мои пути!
Помоги мне, о светило, след потерянный найти!
Не зашло мое светило, верю в светлые года,
И моя проснется совесть, не уснула навсегда.
Нет, душа не будет низкой, высота – ее удел,
Знайτε все: орел могучий на овин случайно сел!*

Произведения Тукая оказывали огромное влияние на читателей. О его стихах говорили в самых глухих татарских аулах, их заучивали наизусть. Тукай изучает устную поэзию родного народа. Особую известность получила сказочная поэма Тукая «Шурале». Она открыла для нас фольклорный мир Татарстана.

*И застыл от изумленья наш проворный дровосек.
Смотрит – и глазам не верит. Что же это? Человек?*

*Джин, разбойник или призрак – этот скрюченный урод?
До чего он безобразен, поневоле страх берет!*

*Нос изогнут наподобье рыболовного крючка,
Руки, ноги – точно сучья, устрашат и смельчака.*

*Злобно вспыхивая, очи в черных впадинах горят,
Даже днем, не то, что ночью, испугает этот взгляд.*

*Он похож на человека, очень тонкий и нагой,
Узкий лоб украшен рогом в палец наш величиной.*

*У него же в пол-аршина пальцы на руках кривых, –
Десять пальцев безобразных, острых, длинных и прямых.*

Сказка в стихах рассказывает о том, как простой дровосек смелостью и прямодушием победил коварного Шурале. В сказках Тукая привлекали жизнестойкость народа, его ум, изобретательность, превосходство человека над природой. Габдулла Тукай стал родоначальником татарских литературных сказок. Он написал «Шурале», «Су анасы» («Водяная»), «Кэжэ белен сарык» («Коза и баран»).

«Если попытаться уловить сущность Тукая в одном образе, то он – как берёзка на ветру: хрупкий, трепетный, но непреклонный перед бурями. Его стихи – это не только отражение боли ушедших времён, но и тихая вера в лучшее будущее, которое строится любовью, словом и истиной».

***Эдуард Малыкин, главный редактор, создатель литературного портала
ЛитКульт***

93

Перед смертью Тукай распорядился последними 500 рублями – огромной суммой по тем временам. Не родным, не друзьям, а учебным заведениям, чтобы талантливые дети из бедных семей могли учиться. Даже умирая, он думал не о себе.

Трагическая судьба поэта придала ему ореол жертвенности. Будет проходить время, и каждое новое поколение будет возвращаться к Тукаю. Как писал татарский поэт Сибгат Хаким:

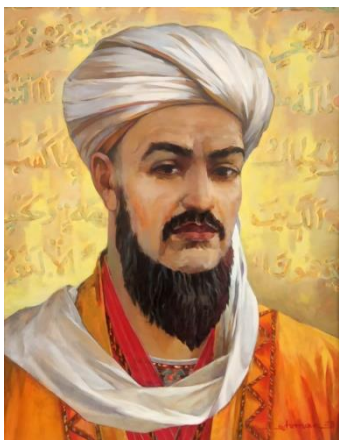
*Великие уходят...
Вслед за ними,
Как звезды, новые восходят имена...*

*Народ мой, береги сынов – и ныне,
И впредь – в нелегкие, крутые времена...*

*Тукай – язык мой.
Равного не знаю.
Он – школа, свет, когда вокруг темно.
К своим истокам, родина, к Тукаю,
Я верю, ты вернешься все равно.*

Туркмены

Махтум-Кули Фраги. Поэт, философ, суфий. Поэзия великого Махтум-Кули – драгоценное духовное достояние туркменского народа. Его мудрые стихи, понятные и простым чабанам, и академикам, волнуют до сих пор.

Махтум-Кули родился в селе Хаджыговшан, расположенном в предгорьях Копетдага, в долине реки Гурген. В стихотворении «Друзья! У меня любимая есть, живёт она вдали...» есть точные данные о его происхождении и родных местах:

*А дни идут, и пройдёт весна, а мне не расторгнуть сна;
Хочу я глаза открыть, увя, свинцом они затекли.
Коль спросят путники про меня, скажите, лицо клоня:
«Гоклен он родом, с Атрека он, а имя – Махтум-Кули.*

Воспитание и начальное образование Магтымгулы получил дома и в сельской школе (мектебе), где преподавал его отец, поэт и мыслитель Довлетмаммет Азади, чьи стихи из книги «Вагзы-Азат» сын знал наизусть. По книгам из домашней библиотеки научился читать по-персидски и по-арабски, знал наизусть народные сказки и песни, притчи и газели. Махтум-Кули для своего времени был широко образованным человеком. В хивинском медресе Ширгази-Хана он изучал творения Абу Иль-Сино (Авиценны), Аль-Беруни и Аль-Хорезми. Там же, помимо корана, молодой поэт читал Бядиля и других классических поэтов. Овладел ремёслами: шорным, кузнечным и ювелирным. Эти последние занятия сблизили поэта с трудовым людом хорезмской столицы.

Проучившись три года в медресе, Махтум-Кули вынужден был вернуться домой – умер отец:

*Тобой воспитанный, тобою просвещён,
Я собираюсь в путь, печалью удручён:
Отца я потерял – Каабы я лишён.
Прощай, науки дом, прекрасный Ширгази!*

На родине юношу не обошли и другие трагические потери: двое старших братьев попали в плен и погибли, а любимую девушку Менгли выдали замуж за богача. Скорбь по братьям, тоска по любимой не отпускали поэта, написавшего в эти годы много прекрасных стихов.

*В мире есть красавица одна,
Словно двухнедельная луна;
Родинка её насурьмлена, –
Кто с моей избранницей сравнится?*

*На земле моя Менгли жила,
Обожгла мне сердце и ушла.
У меня в груди её стрела.
Где она? Какой звезды царица?*

Махтум-Кули писал под псевдонимом Пырагы (Фраги). Псевдонимы отца и сына – Азади и Пырагы – близки по смыслу: азаде с фарси – свободный, парыг с арабского – разлучённый, подразумевая разлуку с любимой Менгли. Личная жизнь поэта не сложилась: несчастливый брак, смерть двух любимых сыновей. Махтум-Кули всё глубже погружается в поэзию и всё чаще обращается к Всевышнему. Главная идея суфизма, владевшая умами средневековых философов и поэтов, – очиститься от всех грехов бренного мира, стать свободным и соединиться с Абсолютом.

Фраги любил читать свои стихи – бейты, газели, рубайи и касыды – в народных собраниях и на свадьбах. Он много пишет о Родине, о своём героическом, трудолюбивом и терпеливом туркменском народе.

*Единой семьёю живут племена,
Для тоя расстелена скатерть одна,
Высокая доля отчизне дана,
И тает гранит пред войсками Туркмении.*

95

Махтум-Кули принято называть поэтом-философом. Это стихи-раздумия, стихи-поучения, стихи-насмешки и стихи-песнопения, которые отражали все вопросы и явления жизни, с какими только мог в то время столкнуться человек. Здесь и раздумье об инерции человеческой жизни, склонной «тлеть и незаметно переходить в небытие», если человек не занят активным творческим трудом:

*... В двадцать лет всё нипочем.
Был ты первым ловкачом:
Знал коня, владел мечом,
Шел на вражьи стрелы ты.
В тридцать лет был полон сил,
Был кутилой из кутил,
Время в играх проводил,
В плод вгрызался спелый ты.
...Ты не вырастил внучат,
Ветви голыми торчат;
Нет стыда и в пятьдесят,
Хоть и белее мела ты.
Как бы в прошлом ни цвели,*

Мы в итоге лишь нули...

К особенностям поэзии Махтум-Кули должна быть отнесена афористичность его стиха, предметная образность, лаконизм выражений:

*Как, не выдав тебя, вообразить Могу?
Ты горлинка иль соловей ты, кто ты?
Тебя назвав, моя любовь, себе ж солгу:
Быть может, роза средь ветвей ты, кто ты?
Ты золотая россыпь или слиток ты?
Обитель райская иль место пыток ты?
Алмазов, лалов, перлов ли избыток ты?
Светильник или сноп лучей ты, кто ты?
Махтум-Кули, не верь успехам мнимым ты.
Напрасно гонишься за этим дымом ты.
Вообразил уже себя любимым ты, –
Безумец, пьяный ротозей ты, кто ты?*

96

Махтум-Кули – эталон чистоты и выразительности, что гарантирует туркменам сохранность национальной идентичности. Мечты и чаяния превращались в реальность только в стихах Махтум-Кули.

Несокрушимое (отрывок)

*Не страшен враг нам, пусть стоит у самых наших стен,
Нас в плен не взять, – туркмена сын не знает слова «плен».
Когда бы гости ни пришли, всегда готов им той,
Туркмена речь всегда пряма, нет лжи в ней никакой.
Так говорит Махтум-Кули – нет на душе пятна,
Бог на него направил взор – цветёт его страна!*

Большая часть поэтического наследия Магтымгулы не сохранилась. В нашем распоряжении находится около 600 стихов и – ни одного рукописного оригинала. Рукописные тексты великого поэта вышли из под пера великого русского поэта Арсения Тарковского. Произошло слияние душ двух поэтов разных национальностей, разделенных веками...

Будущее Туркмении (отрывок)

*Здесь братство – обычай, и дружба – закон
Для славных родов и могучих племен,
И если на битву народ ополчен,
Трепещут враги пред сынами Туркмении.*

*Куда бы дороги туркмен не вели,
Расступятся горные кряжи земли.
Потомкам запомнится Махтумкули,
Поистине станет устами Туркмении.*

Известный русский ориенталист академик В.В. Бартольд утверждает:

***«Среди тюркских народов с таким национальным поэтом,
как Махтум-Кули, только туркмены».***

Знаменитый киргизский и русский писатель Чингиз Айтматов прославлял Махтум-Кули восторженными словами:

***«Я говорю, наш Махтум-Кули ... именно на туркменской земле возник и
возвысился в Средней Азии гений туркменской литературы, свет которого
освещает нас – соседние братские народы. В этом смысле XVIII век в
Туркестане – это век поэзии Махтум-Кули».***

97

Удмурты

Кузедан Герд. Поэт, прозаик, драматург, критик, лингвист, фольклорист, этнограф, педагог, методист, музыковед, общественный деятель.

В Удмуртии Кузедан Герда сравнивают с Пушкиным и называют **«солнцем удмуртской поэзии»**. Герд собирал фольклор и занимался изучением этнографии и народной духовной культуры удмуртов. Издал три сборника народных песен, написал десятки научных статей об удмуртском народном театре, народной музыке, устной литературе, верованиях, обычаях и обрядах.

В начале творческого пути поэт имел несколько псевдонимов (Адями – Человек; Андан – Сталь и др.). Псевдоним Герд он избрал в 1920 году, когда бурно обсуждались вопросы самоопределения наций, и поэту надо было объединить вокруг себя свой народ.

Слово «Герд» означает узел, единство, и, несомненно, Герд хотел общими усилиями, при поддержке всех удмуртов решать задачи по национальным и социальным преобразованиям. Революция увлекла Герда, и он стал принимать всё более активное участие в жизни удмуртского общества.

Будущее, связанное с революционными событиями, предстает в поэзии К. Герда в динамичном восприятии, передающем напряженный эмоциональный накал и трагизм предстоящего:

Не
легка
Впереди
дорога
Иногда
она очень
трудна:
Будет, наверно,
погода
Огненная,
Кровавая,
Вьюжная,
С градом,
Дождливая,
я
га
ша
Вперед.

Его произведения стали первым шагом к пониманию того, что революция может быть не только политическим, но и духовным изменением. В своих стихах он воспевал труд, свободу, красоту природы и борьбу за справедливость. Стихотворение

«Революция» – одно из ключевых в творчестве Кузебая Герда. В этом стихотворении Октябрьскую революцию Герд изображает как стихию, сметающую на своем пути все отжившее, он видел и ее создающее начало, ее многосторонность и многозначность для народа.

*Ты – набат.
Все народы поднял,
Всех удмуртов поднял
Пробуждающий к жизни набат!
Ты – солнце.
Эту жизнь – пусть цветет,
Новый мир – пусть живет,
Возвратившее людям солнце!
Сокрушитель тюрем,
Народы поднявший на штурм,
Разрывающий цепи батыр!*

99

Кузебай Герд был хорошим певцом, **«он пел народные и революционные песни, песни своего сочинения»**, поэтому фольклор станет профессиональным увлечением поэта, а репертуар устного народного творчества послужит школой его мастерства. Под влиянием фольклорных источников в хрестоматии «Виль сюрес» («Новый путь») выходит стилизованная колыбельная песня Кузебая Герда «Нуны веттан выльгур». В некоторых названиях стихотворений-песен объясняется их соотношение с определенным лицом или объектом: «Бурыс келясьёслэн кырҙанзы» («Песня лесоплащиков»). Это стихотворение созвучно песням из рабочего фольклора:

*И весна, наверное, была,
И цветы, наверное, были...
И брус (сплавные бревна, сплавной лес),
наверное, был,
И Васька, наверное, был.
Мы спустимся/подойдем к Каме-реке!
Мы пойдем/поплывем, мы пойдем,
Вниз по течению реки мы пойдем –
Ой вниз по течению Вало-реки.*

Кузебай Герд в одном из писем точно и поэтично выразился по поводу сохранения и изучения народного творчества: **«Хочешь знать, что будет завтра – не забывай о том, что было вчера»**.

Связь с фольклором прослеживается и в пейзажной лирике Кузубая Герда. Солнце, природа – важные образы. Солнце у Герда – не только светило, но и знак надежды, новой жизни. Так, в стихотворении «Впереди» оно выступает в качестве эмблемы Родины:

*Я знаю: впереди – весна,
Впереди – солнце, солнце!
Впереди – новый цветок, новая хвоя,
Впереди – жизнь веселая!*

Поэт часто «оживляет» природу: деревья «живут», ромашка «наклонилась льдистой головкой», вода «спит». Это помогает передать не просто внешний вид, а настроение, состояние, отношение человека к миру.

Узоры на окне

*Каждой ночью на моем окне
Белые купавы расцветают.
Легкие деревья, как во сне,
Преодо мной живут – цветут, не тают.
Вот в углу ромашка, как звезда,
Наклонилась льдистой головкой...
И вдали – кувшинки, и вода
Спит сквозной узорной тканью легкой.
А над ней – одно крыло, как снег,
Развернула чайка и застыла...
Гам вдали спит пальма в снежном сне,
И сосна куда-то вдаль уплыла...
И, когда встаю я по утрам,
Долго, долго на цветы люблюсь...
Но вот солнце... Блещет между рам:
Смерть приходит всем моим мечтам!
Целый день тогда на солнце дуюсь.*

У Кузубая Герда были перспективные планы, как в области литературного творчества, так и научных исследований, многим из которых, к сожалению, не удалось претвориться в жизнь, так как он был репрессирован и погиб на Соловках. Реабилитировали Кузубая Герда весной 1958 года. С него были сняты все обвинения.

За недолгую жизнь Герд создал около 400 стихотворений, 12 поэм, повесть, десятки рассказов и пять пьес.

Герд серьёзно занимался фольклористикой и этнографией. Он активно собирал устное народное творчество – особенно уделял внимание песням, – и публиковал сборники («Малмыжские песни», «Удмуртские песни»). В экспедициях он использовал фонограф: на восковых валиках сохранились не только тексты и мелодии, но и образцы живой речи. Среди его работ – исследования «Удмуртский орнамент», «Удмуртские танцы», «Удмуртская загадка».

Писатель настаивал на том, что все области жизнедеятельности удмуртского общества должны охватываться родным языком, что «необходимо ввести удмуртский язык в школу, на курсы, в учреждения», поскольку народ жив, пока жив его язык.

«Народ может создать себе новую родину, новый язык – никогда; вымер язык в устах народа – вымер и народ», – утверждал поэт в статье «Удмуртский язык – орудие просвещения удмуртов».

... А теперь,
Когда говорят «Удмуртия»,
Видит мой восхищенный взор
Синюю Каму, проснувшийся бор,
Лица людей просветленные, мудрые...

«Его поэзия по искренности и страсти звучания приближается к самым ярким образцам гражданской лирики Маяковского». Петер Домокош, венгерский финно-угорский литературовед и историк литературы

Из полков, что служили Музе,
Каждый третий уже забыт...
Как судьба завязала узел
Из таланта и злых обид?

Болью праведной закипа
За страдающий свой народ,
Битвой сделался Куздебая –
К справедливости поворот,

Чтоб счастливей жилось на свете,
Землякам городов и сёл,
Дал учебник удмуртским детям,
Словом правды он к ним пришёл.

Становились умней невежды,
Прорастало наук зерно.

*И любовь была, и Надежда,
И любимая дочь, Айно...*

*А чудесное единенье:
Маяковского чёткий слог
И есенинское томленье
Породнить в своих строчках смог...*

*Ильича наказ выполняя,
Сам учился и всех учил.
Распознать не смог негодяя,
Когда тот свой донос строчил...*

*Он всё тот же, он не стареет,
Он для нас сделал всё, что мог.
И теперь наши души греет
Этот памятный узелок...*

102

Ольга Рассветова

Узбеки

Гафур Гулям. Поэт и публицист. Народный поэт Узбекской ССР. Творческий подвиг страстного борца за мир и взаимопонимание остался в памяти народов на века.

Стихи и поэмы, рассказы и повести Гафура Гуляма переведены на 30 языков народов разных стран. В годы второй мировой войны, когда в Узбекистан стали прибывать эшелоны с эвакуированными детьми из детских домов, Гафур Гулям написал ставшее знаменитым стихотворение «Ты не сирота» (отрывок). Стихотворение, напечатанное в «Правде» 27 апреля 1942 года, приобрело широчайшую известность и в тылу, и на фронте, где оно оказывало духовную поддержку людям, в перипетиях войны потерявшим своих детей.

*Чтобы людям без крова по миру блуждать,
Чтобы детям без ласки людей умирать,
Но земле выносить его больше невмочь.
Спи спокойно, мой сын, Скоро кончится ночь!*

*Спи спокойно, мой сын... В нашем доме большом
Скоро утру цвести. И опять за окном
Зацветут золотые тюльпаны зарниц,
В нашей книге домовой без счета страниц.
Будет памятна книга на все времена.
Сохранит твое имя навеки она!*

*Улыбаешься ты, и улыбка светла.
Не впервые ль за долгие, долгие дни
На лице исхудавшем она расцвела,
Как фиалка на тающем снеге весны?*

*И продрогший простор словно сразу согрет
Полусонной улыбки внезапным лучом.
Это скоро рассвет, Это белый рассвет.
Это белый рассвет у меня за плечом.*

103

Великая Отечественная война обострила и высветлила чувство братства между людьми, ощущение единства исторических судеб у народов нашей Родины. Из многих проявлений этого единства Гафура Гуляма с особенной силой привлекло то, что Узбекистан, далекий от фронта, сделался прибежищем для тысяч людей, кого война лишила крова.

Гражданским подвигом поэта стала публикация в 1941 году стихотворения «Я еврей...» (отрывок) в знак солидарности с народом, к которому фашисты стали применять геноцид:

*Русский,
Узбек,
Еврей,
Белорус –
рука одинаково
в битве тверда.
Очистим земного шара арбуз
От гнили фашизма
навсегда.
И встретят глаза наши синюю даль
И будут*

сердца
радоваться:
Мир отогрел весну,
Эта весна – навек.
Именем гения,
написавшего «Капитал»,
Гордым духом
Свободных народов праотца
Клянусь:
Я – человек.

Поэт воспевал жизнь с философской глубиной, именно поэтому известный литератор А. Фадеев писал: **«Гафур Гулям – одно из своеобразных и беспримерных явлений узбекской поэзии... Диапазон его системы – от тончайшей лирики до оратории. Стихи Гафура Гуляма насыщены всегда сильной мыслью. Глубокими чувствами. Он в полном смысле слова истинный и большой поэт».**

104

Изучая творчество поэта, мы видим, что творчество писателя состоит из красочных стихов, дастанов, касыд, повестей и рассказов. Произведения Гафура Гуляма пронизаны поэтичностью, ощущением внутренней свободы и красоты мира. Так прекрасен Ташкент в одноименном стихотворении поэта (отрывок):

Ташкент построен в лучшей части света,
он весь – в просторной синей чаше гор,
и в знойное сорокадневье лета
здесь ветром оmyвается простор.
Горюет солнце над чужой землею
и радуется, восходя у нас,
льет кроткие лучи живой рекою,
идет... помедлить хочет хоть на час.
Как свежи и как звонки реки наши
– Чирчик, Ахангаран, Анхор, Салар!
Долина блещет бекасама краше
– Ташкента моего душевный дар...

Гафур Гулям работал в разных жанрах: писал стихи, песни, поэмы, оды, рассказы, повести. Повесть «Озорник» из литературных сокровищ народов мира занимает особое место в творчестве Гафура Гуляма.

Писатель вспомнил себя девятилетним мальчиком, когда тащил из дома – для «плова вскладчину» яйцо и кусок сала. Но растаявшее сало вытекло у него из штанины, и рассерженная бабушка ударила скалкой по шапке, под которой было спрятано яйцо. Увидев вытекающий белок, она с ужасом подумала, что пробила мальчику голову. И таких историй, похожих на эту были сотни. Написав больше половины повести от первого лица, Гафур Гулям поймал себя на том, что нигде так и не назвал своего героя по имени. Он был просто Озорник... и поистине народный герой. Он был, этакий, Насреддин-подросток, отличавшийся своей мальчишеской непосредственностью.

В 2023 году «Озорник» вошёл в список «100 лучших книг для детей всех времён».

«Гафур Гулям был одним из редчайших авторов, который чувствовал жизнь узбекского народа, из-за чего его произведения широко ценились среди населения. Действительно, каждый мог поставить себя на место главных персонажей произведений Гафура Гуляма и найти частичку себя в этих персонажах». Д.М. Холматов, кандидат педагогических наук

Гафур Гулям – страстный борец за мир, дружбу и счастье народов. Поэт создал цикл стихов, посвященных борьбе за мир. Лучшие из них: «С трибуны мира», «Да здравствует мир!», «Это подпись твоя», «Два Востока» (отрывок):

*Я сын Востока. Вольный, полноправный,
Советского Востока гордый сын.
Я человек. Я твердо, точно знаю,
как должен жить свободный гражданин.*

*Для всех народов этого Востока
я брат родной. Любимый брат и друг.
Наш край огромен. Даже солнцу в небе
непросто обойти его вокруг...*

Гафур Гулям – один из основоположников современной узбекской поэзии. Великие мастера слова посвятили ему множество пронзительных произведений. Поэты и писатели Узбекистана скорбили об утрате «богатыря узбекской поэзии», задаваясь вопросом о том, как теперь будет жить осиротевший народ без своего духовного наставника.

Адыл Якубов посвятил поэту Гафуру Гуляму несколько проникновенных строк:

*Ты был как солнце в сумраке ветвей,
Как ветер в шорохе степных трав,*

*Как песня, что в ночи поздней
Звучит, не умолкая, прав.*

Народный поэт Узбекистана Шукрулло (Шукурулло Юсупов) посвятил Гафуру Гуляму стихотворение:

*Когда в ночи, в тиши немых квартир
Звучат стихи – высокие слова, –
Я знаю: в них живёт твой дух, Гафур,
Поэт, что стал судьбой моей двора.*

*Ты в сердце, как родник в степи сухой,
Живёшь во мне, хоть я живу вдали.
В них – боль, и радость, и судьбы полёт,
Гафур, ты – часть моей души и воли.*

Ханты

106

Владимир Волдин. Хантыйский поэт, писатель, журналист, один из основоположников хантыйской литературы. Его творчество сыграло ключевую роль в сохранении и развитии хантыйского языка и культуры, а также в знакомстве широкой аудитории с традициями коренных народов Севера.

Особое место в его наследии занимает сборник «Ханты», ставший символом рождения хантыйской письменной поэзии. Волдин доказал, что малый народ может иметь большую литературу, а традиции способны жить в новых формах искусства. Часть творческого наследия поэта переведена на русский язык и неоднократно публиковалась в региональных сборниках, а также в Венгрии. Произведения В.С. Волдина вошли в учебные пособия по хантыйскому языку и литературе, на его стихи исполняются песни на хантыйском и русском языках.

Владимир Семёнович Волдин – поэт, который запечатлел душу хантыйского народа в своих стихах. Его творчество стало мостом между традиционной культурой Севера и современностью, а его стихи – гимном родной земле и её людям, гимном межэтнического согласия:

*Всех людей мы называем – ханты.
Ханты – русский, ненец и узбек,
Потому что это слово – ханты
В переводе значит человек.
Это очень дорогое слово.
Ты не выпускай его из рук,
Не развей по ветру бестолково –
На него откликнется твой друг.
И куда б потом ты не поехал,
Разнеси своим друзьям его –
Словно раскаленные орехи,
Искры из чужала своего.*

«Если бы Владимир Семенович написал только «Ханты», он уже бы был узнаваемым, он уже был бы почитаемым, он уже был бы любим». Любовь Чистова, почётный житель Ханты-Мансийского автономного округа

107

В текстах, естественно, встречаются диалектные слова: нарты (сани), урман (глухая тайга), совик (одежда из шкур), малица (меховая рубашка). Нередко прорастают сквозь текст характерные особенности: полярное сияние, работающая Обь-река, ягель, юрты, чумы, белковщики, буровые и даже длиннорублевые геологи. Лето укладывается буквально в трое суток. Остальное время – зима, зима, зима. Низкие температуры, минорные мелодии метелей, нескончаемые вьюги и бесконечный снег.

Родная земля

*Дороги мне вот эти снега,
Я на лыжах влетел на сугроб.
Замерла в белой шубе тайга,
Подо льдом притаилась Обь.
Кедры, сосны до самых небес,
И олени, и соболя...
Это все и во мне и в тебе,
Север милый, родная земля.*

Земли хантов, манси богаты природными ископаемыми. Поэт Владимир Волдин фиксирует это:

*Везде рассыпано добро:
Хрусталь, алмазы, серебро!
И на сосны ветвистых лапах
Югорской нефти свежий запах.*

Но главное богатство северной земли – люди. Суровые условия жизни выработали в людях коллективизм: взаимовыручка была не просто нормой, а вопросом выживания всего рода. В стихотворении «Мой друг и я» поэт утверждает основной нравственный принцип жизни народа ханты **«Человек только тогда остается человеком, когда его жизнь вплетена в жизнь другого».**

*На берегу реки – сосна,
Береза рядом с нею.
И кажется мне, что она
И старше и сильнее.
Гроза гремит ли, сыплет град,
Трещит мороз иль вьюга,
Плечам к плечу они стоят,
Как верные подруги.
И у меня есть русский друг,
Надежный, без сомненья.
И наших душ и наших рук
Я славлю единенье.
И мы идем, идем вперед
Сквозь бури и ненастья.
Обязан русским мой народ
Свободой и счастьем.
Стоят два дерева.
Весна.
И кажется мне: я – сосна,
Мой русский друг – береза.*

Гармония, царящая в природе, находит отражение в мироощущении поэта. Весна ассоциируется с началом жизни, пробуждением и новыми мечтами.

Весенние мечты

Ослаб мороз, рассеялась пурга,
На солнышке деревья, как рога.
Уходит росамахою зима,
Сбывается весенние грома.
Сияя, парни смотрят на девчат.
В сердцах – весна, и радость, и тоска...
Плывут, плывут куда-то облака.
Как сотни лет зовут к себе леса,
Но смотрят молодые небеса:
Двадцатый век, крылатые мечты –
Тревожный зов далекой высоты.

Владимир Волдин оставил большое фольклорное наследство: тексты песен, сказок, легенд, записи на плёнках, которые хранятся в фонотеке окружного радио, а также опубликованы на языке ханты в окружной национальной газете «Ханты ясанг».

Охотник

109

Как из давней сказки воин –
За спиной с колчаном стрел,
Он отважен и спокоен,
Он стремителен и смел.
И в руках его – не стрелы,
А новейшее ружье.
Вот бежит он рощей белой,
Зорко смотрит сквозь нее.
Видит он за веток чащей
Разных почерков следы:
След петляющий, скользящий,
Уводящий от беды.
Вот в своей землянке грубой –
Под навес корней залез –
Спит медведь, укрывшись шубой,
И храпит на целый лес.
Вот лосенка сквозь чащобу

Вот лиса в огнистой шкуре
Подползает из-за пня
К той зайчихе, что, как дура,
Зорю бьет в середине дня...
И охотник – не разбойник,
Брат гонимому зверью,
Заложив патрон в патронник,
Бьет, имея мысль свою.
Он сначала целит молча
Волку меж горящих глаз,
Чтоб не чья-нибудь, а волчья
Кровь на землю пролилась.
А лису – вторым зарядом,
Чтоб она не рвала жил
У зайчихи.
Чтобы рядом
Лось с лосенком мирно жил.

От волков уводит лось.
У волков от дикой злобы
Аж дыхание зашлось

Вот каков он, добр, спокоен,
Смел, решителен, умен,
Наш охотник.
Словно воин.
Вот какой хороший он.

«Он всегда меня удивлял многими свойствами народа ханты. Во-первых, он был очень деликатный человек и в отношении к людям, и в отношении к природе. Второе свойство – у него была душа очень добрая. Ощущал и понимал, говорят, каждого человека, мог оценить и понимать его чувства».
Еремей Айпин, хантыйский писатель

Лети, моя песня.
Под небом хантыйским,
Над краем богатым
Звучи, моё слово, светло и крылато,
Возьми остроту у зрачков ястребиных,
Певучую мягкость походки рысиной,
Собак бескорыстность,
Оленя осторожность,
Костром будешь путнику,
Посохом старцу.
Охотнику – пулей,
Больному – лекарством.
Будь полем и небом, рекою и лесом,
Будь мной и соседом,
Будь Родиной, песня!

Рано, на 34 году жизни, ушёл поэт, которому так много было дано, и прав хантыйский писатель Еремей Айпин, сказав в своём произведении «Гром-старик» в книге «Геннадий Райшев. Хантыйские легенды» следующие слова:

«Владимир Волдин, поэт, воспевший свою суровую землю. Поэт, которого Райшев никогда не видел и теперь уже никогда не увидит, поэт и человек, которого помнит Север, которого помнят сородичи на Иртыше и Оби, на Ить-Яхе и Казыме.

**Поэт с недопитой кружкой в руке.
Поэт с недопетой песней на устах.
Поэт с недо...»**

Цыгане

Александр Германович. Первый в мире цыганский писатель, драматург, переводчик, один из создателей театра «Ромэн», автор и секретарь первого в мире цыганского журнала «Романы зоря» («Цыганская заря»). Он глубоко изучил все диалекты разговорного языка российских цыган и создал цыганский алфавит на основе кириллицы.

Темой практически всех его произведений 1920-1930 годов становится жизнь цыган до революции. В повести «В пути» он описывает добровольное переселение цыган на восток для участия в социалистическом освоении Сибири – сюжет редкий и неожиданный.

Также он публикует в 1935 году сборник «Ганка Чамба и другие рассказы», в котором собраны шестнадцать сказок – авторская переработка цыганского фольклора. Повесть «Ганка Чамба» рассказывает о судьбе крепостной цыганки, которую притесняет помещица.

В одноименном сборнике опубликовано шестнадцать коротких сказок, представляющих собой авторскую обработку цыганского фольклора.

Удача

А еще рассказывают цыгане такой случай. Шла цыганка по лесу, в деревню шла по своему цыганскому делу, за спиной ребенок качается, в руках корзинка для провизии. Выходит она на поляну и видит: меж двух берез качели висят, а на этих качелях двое деток маленьких – мальчик и девочка. Смеются дети, заливаются, ни на кого внимания не обращают. «Что такое? – думает цыганка. – Откуда в лесу дети появились? Откуда качели взялись? Ведь до деревни-то еще далеко».

Догадалась цыганка, что не простые это дети. «А вдруг это спорники? – подумала она. – Дай-ка я попробую их поймать!». Стала цыганка подкрадываться к качелям, да только как ни старалась, все равно на сухую ветку наступила – и раздался треск. А тут еще ребенок проснулся, заголосил у матери за спиной. Всполошились спорники. Как увидели они цыганку, так взмахнули ручками и побежали прочь. Добежали они до края леса и исчезли, словно их и не было. Подбегает цыганка к качелям и видит: шапочка на земле лежит. Подняла цыганка шапочку и положила в корзину. В этот день столько набрала она провизии в деревне, что едва дотащила. И с тех пор поселилась у цыганки удача: что только ни задумает, все у нее получается. Это шапочка спорников ей счастье принесла.

Открытие в Москве знаменитого цыганского театра «Ромэн» можно смело назвать знаменательным событием в жизни Александра Германо. Переоценить значение этого театрального явления и для самих цыган нашей страны, и для всей российской культуры невозможно: впервые их удивительное самобытное искусство вышло на профессиональные подмостки. Впервые цыгане заговорили на родном языке о том, что их волнует, что их греет, что держит в этой жизни. Театр начал свое существование пьесами Германо: «Между двух зорь» и «Жизнь на колесах» (отрывок из пьесы).

В пьесе показано, как молодое поколение цыган постепенно отказывается от кочевого прошлого и стремится к новой, трудовой жизни.

*Да, только здесь дано цыганам
Вздохнуть свободней, наконец.
Лишь здесь нужде цыганской внемлют,
Лишь здесь – вот радостная весть!
С кибиток кочевых на землю
Нам предлагают переселить.*

112

В 1941 году Германо задумал издать свои цыганские стихи на русском языке в родном Орле. Книгу редактировал Василий Казин, он подписал её к печати 3 июня 1941 года. А через три недели началась Великая Отечественная война, но книгу успели напечатать. Однако весь тираж (5 125 экземпляров) был уничтожен ворвавшимися в Орел гитлеровскими оккупантами. Каким-то чудом уцелели считанные экземпляры. Один из них, как библиографическая редкость, хранится в Орловской областной библиотеке им. И.А. Бунина.

Ответ (отрывок)

*Ты спросил цыганского поэта.
«Для чего ты песни в дар принес,
Для чего нужны нам песни? Это
Непонятный для меня вопрос».
Кто же скажет, для чего ветвями
Машут величавые стволы,
Отчего витает над цветами
Колкое жужжание пчелы?
Ты спроси широкую поляну,
Где когда-то табор твой стоял,*

*Для чего ночами неустанно
Ветер над шатрами распевал.
Ты скажи – зачем весною птицы
Трель свою рассыпали опять,
Отчего, едва успев пробиться,
Начинает ручеек журчать.
Нужно ль петь ручьям, лесам и пчелам?
Между нами нерушима связь!
Полон мир созвучием веселым –
Значит, в сердце песня родилась...*

Во время Великой Отечественной войны писатель оставался в Москве: сотрудничал с Советским Инфорбюро, выступал с чтением своих рассказов, сказок и стихов в госпиталях и подмосковных частях Красной армии. Читал Александр Германо солдатам на фронте стихи, посвященные А.С. Пушкину (отрывок):

*Нет,
ты не побежден столетием суровым,
Над миром,
как металл, звенят твои слова,
Сердца живых людей
ты зажигаешь словом,
И сам ты жив, поэт,
пока
строка
жива.
Стреляя в грудь певца,
коварная эпоха
Свинцом прошла
сквозь все горячие сердца,
И содрогнулся мир
от пушкинского вздоха,
От страшного его,
от раннего конца.
Но ожил ты, певец.
и зазвучал чудесный*

Твой голос молодой
в свободные года;
Цыган,
калмык,
тунгуз
с твоей бессмертной песней,
С твоим живым стихом
сроднились навсегда...

Л.Н. Афонин в книге «Рассказы литературоведа» пишет: «...перед нами оригинальная, крупная личность нашего земляка Александра Германо – поэта-интернационалиста и общественного деятеля, открывшего первые, советские страницы в многовековой, самобытной, нередко причудливой, но всегда яркой культурной и литературной традиции цыганского народа».

Чеченцы

114

Арби Мамакаев. Поэт, писатель, переводчик, один из основоположников вайнахской литературы, классик чеченской литературы. Автор поэм «Кровавые горы», «Разговор с матерью».

Арби Мамакаеву довелось жить и творить в непростое время. В 40-е годы он был арестован и сослан в Магадан. Пройдя через тяжелые годы ссылок в ГУЛАГе, он создал произведения, ставшие национальным достоянием, а многие его стихотворения до сих пор звучат в виде популярных песен. Он прожил неполных сорок лет, четырнадцать из которых провёл в неволе. Но его литературное наследие обогатило молодую чеченскую литературу.

Арби Мамакаев – поэт, чьё творчество выросло из жизни его народа. Он не просто выразитель чаяний своих соотечичей, он, если можно так выразиться, болен, одержим любовью к родному краю. Пишет ли он о свободе:

*Да будет Родина свободна!
За нами горы и народ.
И кровь, что пролита сегодня,
Свободу завтра принесёт...*

«В горах Чечни»

Арби Мамакаев заражает нас любовью к Кавказу. Чувства поэта истинны, лишены какой бы то ни было экзальтации и надуманности. Чувства его свежи и прозрачны как горный воздух, чисты как краски зари. И эта подлинность увлекает, и Кавказ поглощает всё наше внимание. Мы поневоле видим, как:

*Красное пламя цветенья
Берег сжигает высокий.
Остров скрывается в пене
Качающейся осоки.*

«Вечер на берегу Терека»

*слышим, как
...Терек поёт им, ласкаясь,
Печальные песни свои...*

«Долина, полная цветами»

Мы увлечены созерцанием жизни далёкого от нас народа, мы любим вместе с ним, вместе с ним негодуем, потому что все стороны его жизни, все проявления его чувств делаются вдруг нам понятны. «Конечно, – понимающе киваем мы, – на Кавказе нельзя без коня!»

*Очаг – пустыня – без огня.
Без дыма сакля – не жилище.
Джигит – мальчишка – без коня...*

«В горах Чечни»

Его мастерство владения словом часто сравнивают с поэзией Сергея Есенина за искренность, лиризм и глубокую любовь к родному краю.

Родина (отрывок)

*Весеннее цветение
вас красит, горы милые,
а осень благодатная
дарует урожай.
Хребтами опоясана,
морями окруженная,
ухоженная пашнями,
где колосится хлеб.
Окутанная рощами
деревьев и кустарников,
раскроенная нитями
прозрачных родников.
Пою вас, сердцу близкие*

*просторы моей Родины.
Что может быть родней тебя
для сердца моего?!*

Известный русский писатель Александр Галич не мог. Он сказал о нем: **«За буйный нрав и талант мы его назвали «чеченским Есениным».**

Арби Мамакаев – и тонкий лирик, способный воспроизвести интонации народной песни, и то же время он – глубокий мыслитель, для которого даже освященные традицией условности жизни не являются неприкосновенными догмами, если они встают на пути у людей, стремящихся к личному счастью и благополучию своего народа. Так, в стихотворении «Нижний Наур» (отрывок) поэт говорит о своей сыновней любви к родине:

*Видел я другие реки,
Слышал смех других людей.
«Не увидеть мне вовеки
Милой родины моей!...»
И как не воспеть Родину,
которая дала людям счастье, мир...*

116

Все свои прекрасные годы он посвятил служению своему народу, Отчизне. И это поэт подтверждает в своих замечательных стихах: «В день солидарности», «Родина», «На рассвете», «Воспоминание», «Не останемся в долгу мы, братья», «Письмо другу», «Земля Кавказа» и во многих других своих прекрасных произведениях. Он без друзей и Родины не видит своего места на земле.

*О, Кавказ, меня чаруешь ты!
Я к тебе привязан, как к судьбе.
Мужества земля и красоты –
Снова возвращаюсь я к тебе.
... Без друзей и Родины жесток
Мой удел, и счастья нет со мной.
Я хочу, когда наступит срок,
Упокоиться в земле родной...*

Секретарь правления Союза писателей России Иван Голубничий в предисловии к книге «Кавказ! Я был твоим...» пишет: **«Говоря о поэтическом наследии Арби Мамакаева, невозможно не выделить поэму «В горах Чечни» – фундаментальное произведение, по своей композиционной структуре перекликающееся с пушкинским «Евгением Онегиным». Эту поэму также с большим основанием можно назвать «романом о чеченской жизни».**

С этим нельзя не согласиться: поэма написана точным, ярким, простым языком и с доверительным обращением к читателю:

*Послушайте меня, солдаты!
Мы знаем, вы не виноваты!
Чужая воля вас ведет
В чужие страны. Наш народ
Народу русскому не враг.
Мы – дети мира и свободы,
В свободных мы рождены горах,
И нам родные эти своды...*

Легкие, живые строки поэмы раскрывают теплые и дружеские настроения всех вайнахов к русскому народу. Это не зарифмованный рассказ, а большая «горская поэма», написанная по законам настоящей поэзии, с поэтическими находками и новыми открытиями, гордыми и самобытными образами.

«Поэтическое творчество поэта удивительно многогранно: это целый мир в единстве и противоречии, вечный и безысходный, незыблемый и хрупкий...

Мир, который помогает читателю философски осмыслить и понять высокую сущность, и великое предназначение человеческой жизни. Четкая гражданская позиция автора, трепетное волнение, яркие духовные переживания, красной нитью проходят через все его творчество, облагораживая сознания читателя высоким, духовным, достойным...».

Шапа Ковраев

Чеченский поэт Зайндин Муталибов с вызывающей дерзостью афишировал свое душевное родство с Арби Мамакаевым, с этим гордым и независимым человеком, который был безжалостно и безвинно оболган. В стихотворении «Неотправленное письмо», посвященном ему, Зайндин пишет:

*И мы друг друга поняли сполна,
И породнились свято в трудной доле,
Одни, мой друг, нам сеять семена,
Одно, Арби, воздвигать нам поле!*

В некрологе, посвященном своему другу Арби Мамакаеву, он писал:

*Пока пора
Безумству не настала
Скорби, Кавказ!
Ушел твой верный сын!*

О таких людях язык не поворачивается говорить умер, погиб или скончался. О Арби Мамакаеве уместнее сказать словами Высоцкого вне связи со временем:

...Он вчера не вернулся из боя.

Чуваши

Константин Иванов. Выдающийся чувашский поэт, драматург, переводчик, художник и педагог, которого по праву считают основоположником современной чувашской литературы. Его главное произведение – поэма «Нарспи» – стало классикой и было переведено на множество языков мира.

В поэме «Нарспи» поднял национальную культуру на новый качественный уровень: поэт выразил доверие к человеческому духу, оценил чувство любви как высочайшую ценность, возносящую человека над бытом, раскрепощающую его от меркантильных установок.

«Нарспи», – писал Петр Хузангай, – это национальное чудо, вершинный блеск дореволюционной чувашской культуры. Этот невероятный взлет поражает наше воображение, ибо в трех тысячах стихотворных строк встает целая энциклопедия чувашской жизни».

Дивные картины природы, красочные обряды, весёлые сельские праздники – всё это пронизано изумительным колоритом. Кажется, что оживают живописные полотна.

*Близ дубравы протекая,
Речка резвая шумит.
Солнце, гладью вышивая,
По волнам лучом скользит.
В речку нежно – голубую
Неба синь погружена.
Вся вселенная ликует,
Светлой радости полна.*

В центре стихотворения поставлена быстро бегущая речка, несущая свои говорливые воды к зеленеющему лесу. В результате взаимодействия зеркальной глади воды с лучами солнца рождается изумительное по своей красоте и величественности зрелище: будто бездонное небо купается в глубине речки. Так пронизательный художник слова запечатлел движущуюся картину природы, что перед нашим взором возникают яркие образы внешнего мира.

Мы видим и слышим говорливую речку, бегущую по обочине леса. Пейзаж здесь являет собой живое единство, как сама вечно обновляющаяся природа, представляющая бесконечную цепь взаимосвязанных предметов и явлений.

Но за красотой скрывается жестокость нравов, которые погубили Нарспи и её возлюбленного Сетнера:

*Тахтаман седобородый
Должен мужем стать – беда!
Разлучиться с милым сердцу
Ей придётся навсегда.
Что-то станется с Сетнером,
Коль возьмёт тебя чужой?
Ах, Нарспи, моя сестрица,
Где удел счастливый твой?*

Нарспи и Сетнер по своему складу ума и сердца – дети природы. Они столь же чисты и душевно богаты, как и окружающая их природа. Единение героев с природой проявляется и в том, что они в минуты глубоких раздумий и страданий обращаются к природе как к самому близкому другу, прося у ней пощады или разъяснения причин и следствий невыносимых душевных мук. Вот как воспроизводится природа глазами удрученной горем Нарспи и как она обращается в одиночестве к ней:

*Лес дремучий, лес дремучий,
Что так грозно ты шумишь?
Что ты воем, диким свистом
Душу бедную страшишь?
Лес еще неугомонней
Плачет, воем и ревет.
Не оставь, помилуй, боже!
День последний настает!
Ах, куда теперь деваться
Мне с преступной головой?
Ах, и как мне со своею
Сладить грешною душой?*

«Нарспи» оказалась лебединой песней поэта, его первой и последней любовью. **«Она откроет всему миру новый народ – чувашей...»** – так сказал об этой поэме Иван Яковлевич Яковлев.

Молодой поэт только начинал свой путь. Поэму «Нарспи» К.В. Иванов считал лишь ученической пробой пера, первым опытом создания эпического произведения о

чувашском народе. Позднее друзья интересовались, почему же он ничего не пишет после «Нарспи», но Константин Иванов неизменно отвечал: **«Придет время»...**

К сожалению, судьбой ему было отмерено всего лишь 25 лет. В марте 1915 г. поэта не стало. На похоронах уже великого, но еще неизвестного поэта в родном Слакбаше крестьянам раздавали ту самую книгу «Сказки и предания чуваш», в которой была напечатана «Нарспи» – прекрасная поэма, ставшая жемчужиной чувашской поэзии.

Стихи Константина Иванова находят своих поклонников и становятся народным достоянием. В лирике Иванова глубоко звучат философские размышления о судьбе человека, его месте в мире, ценности внутренней свободы.

*Золотое сердце не проходит мимо,
Золотое сердце выручит всегда,
Учит оно жить чутко и терпимо
И спешит туда, где живет беда.*

*Любит оно всех-и простых, и сложных,
И не ищет выгод от людей:
Не пьянит его хмель объятий ложных,
Не прельщают блеском троны королей.*

*Оно где-то рядом и стучит негромко,
Ты его нащупай на своей груди,
И когда увидишь нищего с котомкой-
Брата своего в нем ты разгляди.*

Поэт обладал редким умением живо и красочно описывать природу, видеть в ней гармонию и закономерности. В его лирике пейзаж не просто фон – он становится зеркалом внутреннего мира лирического героя, тесно связан с его переживаниями. Когда-то он нарисовал прелестную картину наступления весны в первых строках «Нарспи»:

*Месяц март к концу подходит,
Смотрит солнышко нежней.
И в Сильби, селе чувашском,
Начал таять снег дружной...*

Далее он развивает тему весеннего пробуждения природы и пробуждение человеческих чувств в стихотворении «Весна»:

*В город приходит весна,
В воздухе кружат синицы,*

*Снега сойдёт пелена,
Солнце поднимет ресницы.*

*Свежего ветра порыв
Крепкий ваш сон потревожит,
Сильный мужчина к щеке
Тёплую руку приложит.*

*Встретятся взглядом глаза,
Вспыхнет великое чувство,
Верность нести сквозь года –
Выше любого искусства.*

121 Константин Иванов глубоко погрузился в русскую и мировую культуру ещё во время учёбы в Симбирской чувашской учительской школе, где он много читал произведений классиков. Знакомство с русской литературной традицией помогло Иванову сформировать художественный язык. Он не просто копировал приёмы, а творчески перерабатывал их, соединяя с чувашским фольклором и собственными размышлениями. Отношение основоположника чувашской литературы Константина Иванова к русскому народу и его культуре было исключительно уважительным и братским. Об этом он пишет в стихотворении «Русский народ»:

*Русский народ – победитель врага,
Русский народ – ты соборная сила,
Русский народ дал народам блага,
Русская мудрость обиды простила.*

*Русский народ золотил купола,
Русский народ – это иноки Лавры,
Русский народ вера в доблесть вплела,
Русский народ – в честь твою бьют в литавры!*

Творчество Иванова стало поворотным пунктом в истории чувашской литературы: он не просто следовал народным традициям, но и заложил основы для развития национальной лирики, эпоса и драмы.

*О, юноша с душой крылатой,
Кудесник слова, чародей!
Ты был нам музыкой и клятвой,
Надеждой, лаской с детских дней.*

Ты был и есть, и будешь снова
Залогом силы, красоты,
Богатства языка родного,
Его высокой простоты.
Так стой же славою народа,
В сердцах и в памяти живи,
Глашатай правды и свободы
И человеческой любви!

Эти строки Петра Хузангая посвящены любимому поэту чувашского народа, Константину Иванову.

«Я никогда не перестану удивляться и поражаться чудом, имя которому Константин Иванов. О нём я сужу не только по его широкой славе, а по свету, звучанию, аромату, по сути каждой его поэтической строки. Ибо как сопереводчик «Нарспи» на башкирский язык я испытывал неописуемый праздник в себе от прикосновения к этому шедевру, от причастности к нему. В Иванове я вижу высшее проявление раскованного творящего духа нации. Он дал беспредельную свободу чувашскому слову и долговечную жизнь ему. Это был неповторимый взлёт», – не скрывал своего восхищения народный поэт Башкортостана Мустай Карим.

122

Якуты

Алексей Кулаковский. Один из основоположников якутской литературы, поэт, фольклорист и этнограф. Написал стихотворение «Благословение Баяная, признанное первым художественным произведением якутской литературы.

Первые стихотворения и поэмы на якутском и статьи на русском языке Алексея Елисеевича Кулаковского были написаны на рубеже XIX – XX столетий. Этими произведениями началась письменная якутская литература. Кулаковский – ее зачинатель.

Поэзия Пушкина, по мнению будущего якутского поэта, национальна и народна.

«Пушкин, – писал он, – обладает изумительной способностью понимать дух, быт своей нации...он обнял своим талантом русскую жизнь...Вполне усвоив живую, народную речь, Пушкин с гениальным искусством применил ее к выражению самых разнообразных впечатлений, самых утонченных движений чувства».

Кулаковский восторгался достижениями и выдающимися качествами русского народа, утверждал, что **«русский человек отличается мужеством, сердечной привязанностью к русской земле... Русский добродушен, предприимчив, понятлив, умеет применяться к обстоятельствам, усиленному труду».**

Кулаковский читал наизусть произведения Пушкина и сам писал стихотворения по-русски. Сохранилась тетрадь, куда он многие годы переписывал творения Пушкина, Лермонтова, Крылова, Некрасова, Кольцова, Никитина, Жуковского и даже малоизвестные произведения Хераскова и Цыганова.

«Поэт, ученый, мыслитель, демократ, просветитель, гуманист, страстный поклонник великой русской культуры, проповедник восприятия ее якутами, глубоко понявший прогрессивную роль русского народа в Якутии, гуманизм русского народа, своеобразный теоретик и горячий сторонник слияния якутов с русскими – таков Алексей Елисеевич Кулаковский». Г.П. Башарин, советский и российский историк

Его собственные творения – стихи, поэмы, более 30, непременно носят признаки народного стиха, а нередко и мотивы, распространенные в якутских народных

сказаниях и песнях. В творчестве Кулаковского народные поэтические истоки гармонично взаимодействовали с влиянием русской литературы. Литературный псевдоним поэта Өксөкүлээх Өлөксөй с якутского языка можно перевести как Орел Алексей. Эта птица имеет сакральное значение в культуре народа саха.

Признаками народной философии «мифологических образов», которые по его признанию имеют место «почти в (его) каждом произведении...». Стихотворение «Хомус» (отрывок) является его знаковым произведением. В нем впервые был воспет сакральный национальный музыкальный инструмент, несущий в себе всю духовную энергетику народа Саха.

*В тот светлый день,
Когда земля рождалась,
И нас, людей,
Благословляли боги в Срединном мире
Жить с добром и верой,
В дар для памяти о том
Чудесном сотворении
Хомус преподнесли они якутам.
Стальной клинок,
Хранящий сотни звуков,
Заговорил на многих языках
И песни звонкие якутов*

Озвучил в самых трепетных сердцах!
И боги говорили в песнях с нами
О том, какой любовью
Заклинали хомус
закаляли Словом:
“Мы звук божественный
Сковали прочной сталью,
Чтоб вы могли в руках
Его держать
И жалом тонким, гибким извлекать
Все голоса племен,
Что мы создали.
Певучими стихами
Разных стран
Мы наделили гордое творенье.
И трели птиц,
И крыльев их паренье
Хранит теперь
Стальной хомуса стан.
И сила в нем таится
Не простая –
Беду и горе одолеет тот,
Кому послышится лишь
Песнь святая,
Того хомус за счастьем позовет.
И дух светлее
Над тоскою вьюжной,
И скорбь легка,
Когда хомус поет...

Музыка хомуса придает человеку силы, вселяет надежду на лучшее будущее. Музыка хомуса волшебна, так говорят и современные музыковеды.

В стихотворении «Красивая девушка» (отрывок) поэт отражал идеал женской красоты. Но это был не только идеал, автор искал образ будущего человека саха.

*Да, когда Боги
Её сотворить решили,
8 дней усиленно совещались
И на этом Совете решили:
С тех пор, как мы сотворили Солнце,
И пустили его плавать по Небу,
И людей заставили жить под Солнцем,
Ничего хорошего им не дали,
Ничем прекрасным не одарили.
Сотворили же, Боги,
На радость людям
Существо прекраснейшее на свете,
О котором жили бы поговорки,
О котором сказки бы говорили!"*

125

По старинным якутским поверьям, человек, обладающий даром писателя, поэта, всегда считался особенным, мог быть приравнен шаманам. Таким и был Алексей Кулаковский... Поэтому особое место в творчестве Кулаковского занимает поэма «Сновидение шамана» (отрывок), являющаяся плодом глубоких, длительных раздумий поэта над судьбами родного народа и острейшими проблемами его мира. Монолог белого шамана представляет собой авторскую проповедь в защиту добра и справедливости, мира и спокойствия всех людей Земли.

*Восьмилучевое из мглы
Величаво, ярое добела,
Вечное солнце, искрясь,
Восходило – и в этот миг
В облачении белом сел
В юрте в священном углу
Важный мой дядя – великий шаман,
Старец, служитель добрых божеств.
Белый шаман начал кампаль –
Бубен огромный округлый взял,
Бубен, как озеро, – продолговат.
В нем крестовины гремучей жести;
В бубен трижды дарил он.*

*Буйно понесся гул и гром,
Стал он протяжно петь,
Пением стал прорицать, предрекать,
Бурно голос взмывал, трепетал,
Бубен яростно грохотал, рокотал...*

В этом произведении полноценно раскрылся талант Кулаковского, его пророческий, некий мистический дар. Его глубоко волнует протест против всемирной бойни, надвигающейся в начале века на целые народы планеты. И разве здесь герой поэмы ошибся, предсказывая:

*Одна в Европе страна
Особо опасной кажется мне,
От ее устремлений я
Отвожу в смятении взгляд...
Это Германия.*

126

В народе до сих пор бытует немало легенд о подвижничестве поэта. Так, рассказывают, что однажды он встретил незнакомого человека и в разговоре с ним выяснил, что в соседнем аласе проживает некий старик, который знает немало сказок и легенд. Кулаковский тут же собрался, предупредив домашних, что вернется к вечеру. От старика же узнал, что в других местах живут лучшие знатоки фольклора. Алексей Елисеевич не мешкая пустился в путь по указанным адресам. Домой он вернулся через... три года.

В те же годы он написал работу по изучению древних верований якутов, собирал пословицы и поговорки. По рассказам стариков он воссоздал судьбу народного защитника Василия Манচারы, составил картотеку слов, усвоенных якутами у русских.

Его судьба – пример трудного и мучительного осознания правды своего века, выражения национального идеала красоты. Как он сам пророчески писал:

*Бурно прожить,
Жадно дышать,
Горечь испить,
Радость вкушать,
Через беды-несчастья
Смело идти –
Вот для чего
Стоит родиться!*

Вышеприведенные строки Кулаковского перевел замечательный русский писатель Владимир Солоухин. Он также находился среди тех, кто в Москве отстаивал наследие Алексея Елисеевича.

Он – поэт и ученый Алексей Кулаковский, не только берегает древнее слово для потомков, но и использует его в своих собственных стихотворениях и поэмах. Чтобы и спустя столетие, в начале XXI века, читатели восхищались их эпической силой и проникновенным лиризмом.

*...Вновь мне видится он,
Прижимающий к сердцу тетради,
Где пешком, где на нартах спешащий по снежной стране.
То мороз, то пурга, то бегучие вешние воды
Путь ему преграждают. Но сеет он знаний зерно,
А взамен по крупницам собирает он мудрость народа:
Песни, притчи, пословицы – всё, что пропасть не должно.
Вновь мне видится он – вдохновенный, в порыве высоком.
В тесной юрте, в пути, у трепещущего камелька
Песню-гимн создаёт он, пронзая пророческим оком
Полночную тьму, пронося года и века.
И – в дорогу опять!
В мир большой и холодный, как космос,
С жарким пламенем сердца в широкой и сильной груди
Он идёт побеждать темноту вековую и косность,
За полвека до нас, на полвека от нас впереди!
Из наслега в налег он идёт по горам и долинам,
И его современники, люди Якутии всей
Называют недаром его Алексеем Орлиным,
По-якутски, по-нашему – Ексеюлях Елексей!*

Семен Данилов

«Мы, якутские писатели, – утверждал народный поэт Якутии Семен Данилов, – все прошли школу А. Кулаковского. Мы у него учились тому, как преданно служить народу своим творчеством, своей поэзией».

Список источников

1. [Берл Лазар и Талгат Таджуддин и Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: <https://mcdn2.tvzvezda.ru/storage/default/2023/10/30/73965d7270f6437d9d550d42a43577c4.jpg> (дата обращения: 19.08.2026).
2. [Русский народный ансамбль]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: <https://cdn.culture.ru/images/5ef6b4ef-0307-5e24-b85d-e249c45d4891> (дата обращения: 19.08.2026).
3. «Остался отец твой Лежать недвижим, С лицом, обращенным К нагорьям родным...» Гамзат Цадаса. – Текст : электронный // ГодЛитературы.РФ : Интернет-портал. – 2026. – 15 марта. – URL: <https://godliteratury.ru/articles/2026/03/15/ostalsia-otec-tvoj-lezhat-nedvizhim-s-licom-obrashchennym-k-nagoriam-rodnym-gamzat-cadasa> (дата обращения: 19.08.2026).
4. Гафур Гулям. – Текст : электронный // Arboblar.uz : сайт. – 2026. – URL: <https://arboblar.uz/ru/people/gafur-gulyam> (дата обращения: 19.08.2026).
5. Далай Лама. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: <https://static.toiimg.com/thumb/msid-122198666,imgsize-944263,width-900,height-1200,resizemode-6/122198666.jpg> (дата обращения: 19.08.2026).
6. Есильбаев, Т. Археолог слова Олжас Сулейменов: будущее нужно приближать / Тлеужан Есильбаев. – Текст : электронный // Российская газета : сайт. – 2026. – 15 мая. – URL: https://rg.ru/2026/05/18/planeta-az-ia.html?ysclid=msznwz24jc615609669&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 19.08.2026).
7. Замлелова, С. Народность поэзии Арби Мамакаева / Светлана Замлелова. – Текст : электронный // Светлана Замлелова : официальный сайт писательницы. – 2025. – 29 мая. – URL: https://zamlelova.ru/all_articles/all_28/article_33/ (дата обращения: 19.08.2026).
8. Заповеди Божии. – Текст : электронный // Азбука веры : сайт. – URL: <https://azbyka.ru/zapovedi-bozhii> (дата обращения: 19.08.2026).
9. Куратов Иван Алексеевич. – Текст : электронный // Национальная электронная библиотека Республики Коми : сайт. – 2015-2026. – URL: <https://nebrk.ru/biografii/id/5?ysclid=mszohnrr1e482621162> (дата обращения: 19.08.2026).
10. Мирзо Турсунзода: эхо в веках. – Текст : электронный // Российско-Таджикский (Славянский) университет : сайт. – 2025. – 29 мая. – URL: https://www.rtsu.tj/news/?ELEMENT_CODE=2856 (дата обращения: 19.08.2026).

11. Немеркнувший свет поэзии: Низами Гянджеви. – Текст : электронный // Atalar : Независимое культурно-просветительское интернет-издание. – 2020. – 29 февр. – URL: <https://atarar.ru/nemerknushhij-svet-poezii-nizami-gyandzhevi.html?ysclid=mszmxbs7en211541891> (дата обращения: 19.08.2026).
12. Сергей Григорьевич Чавайн (1888-1937). – Текст : электронный // Национальная библиотека имени С.Г. Чавайна : сайт. – Йошкар-Ола. – 2026. – 2 июня. – URL: <https://nbmariel.ru/sergej-grigorevich-chavajn-1888-1937/> (дата обращения: 19.08.2026).

Ознакомительное издание

Литературные жемчужины народов Урала

Год единства народов России

Составитель Калинина О. И.

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Свердловская областная межнациональная библиотека имени П.П. Бажова»
620146, г. Екатеринбург, ул. Академика Бардина, 28
тел.: + 7 (343) 211-07-00, сайт: www.somb.ru

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА им. П.П. БАЖОВА